

05,2

Х годъ
ИЗДАНИЯ
1906 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 7 руб.
на полгода 4 руб.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ: 3 руб. при подпискѣ, 2 руб.—къ 1 апрѣля и 2 руб. къ 1 іюня.

Отд. №№ по 20 к.

Объявл.—40 к. строка позади текста, 50 к.—передъ текстомъ.

Адресъ главной конторы:

С.-Петербургъ, Моховая 46.

„Бюрократія идетъ, бюрократія возвращается“...—Замѣтки.—Хроника театра и искусства.—Письма въ редакцію.—Маленькая хроника.—„Союзъ и политика“. Н. Ш—а.—Андреа Николи. (Окончаніе). Александра Амфитеатрова.—День Глинки. Александра Ш—ра.—Грусть чествованія. А. Ростиславова.—Замѣтки. Ното Novus.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: „Передъ восходомъ солнца“, (2 рис.), Малолѣтній Моцартъ въ гостяхъ у Маркизы Помпадуръ, „Заговоръ фіеско въ Генуѣ“, „Клякса на чествованіи Глинки“, Генрихъ Гейне, „Пилпа танцуетъ“.

Продолжается подписка на 1906 г.

№ 7.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 12 ФЕВРАЛЯ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВСѢ НОВИНКИ

въ печатномъ и рукописномъ видѣ высылаетъ контора „Театра и Искусства“ Имѣются цензур. экземпляры послѣднихъ новинокъ:

„Пиппа танцуетъ“

Гауптмана

„НА ПУТИ ВЪ СЮПЪ“

Шоломъ Аша

„ВИХРЬ“

пер. съ фр. Гольштейна и Второва

КЪ ВЕСЕННЕМУ СЕЗОНУ!

Одноактные пьесы:

„ОНЪ“

(по роману Гюй-де-Мопасана), присп. для русской сцены Н. Ф. Арбенинымъ. Ц. 60 к.

„Семейныя недоразумѣнія“

(„Клептоманія“),

шутка, соч. Макса Гартунга, пер. съ нѣм. З. В. (мужскихъ ролей—3, женскихъ—3). Ц. 60 к.

Обращаться въ контору „Театра и Искусства“.

Новая пьеса

„ФИМКА“.

Вл. О. Трахтенберга

Новинка Александринскаго театра). Обращаться: въ контору „Театра и Искусства“.

Словарь

СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

(выпуски за прежніе годы) для гг. подписчиковъ журнала „Театръ и Искусство“ высылается за 2 р. съ пересылкой.

Сочиненіе В. И. Мезенцова:

ДОЛЯ

или

Сибирская глушь

Драма изъ жизни рабочихъ на золотыхъ приискахъ Сибирской тайги, въ 4 д. и 5 карт. цѣна 1 рубль.

къ представл. дозволена безусловно. Продается въ книжныхъ магазинахъ:—„С. О. Разсокина“, въ Москвѣ; „Трудъ“—въ Москвѣ и Петербургѣ; „Ф. А. Югансона“—въ Кіевѣ, Харьковѣ и Петербургѣ;—„П. И. Макушина“—въ Томскѣ и Иркутскѣ; „Н. П. Литвинова“—въ Новоиколаевскѣ и у Левина, Александрова и Савельева въ г. Омскѣ. Можно выписать наложеннымъ платежомъ, на пересылку 6353 прилаг. 3 семи к. марки. 5—2

„ПАЛАТА № 6“.

(Тоска по идеалу),

ПЬЕСА

въ 3 вар. по повѣсти А. П. Чехова, А. П. Бурдъ-Восходова.

Разрѣшена къ предст. безусловно. Можно обращаться въ контору „Театра и Искусства“.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

„ТЕАТРА и ИСКУССТВА“: въ С.-Петербургѣ—въ кіоскахъ Пташникова, въ книжн. магазин. „Новаго Времени“, въ театральной библиотекѣ Н. С. Волкова-Семенова, въ Пассаждѣ, въ канцеляріи Театральной Общества и др.; въ Москвѣ—въ кіоскахъ, въ конторѣ Н. Печковской, въ бюро театр. Общ. и др.; въ Кіевѣ—въ кіоскѣ „Юго-Западная Недѣля“ (уг. Крещатики и Прорѣзной), въ магазинѣ Идзиковскаго и др.; въ Одессѣ—въ кіоскахъ Е. Е. Свистуновой; въ Харьковѣ—въ гор. Общ. Библиотекѣ; въ Кишиневѣ—у В. Л. Лашкова, Балановская, соб. домъ; въ Бѣлостоцѣ—въ книжн. магазинѣ Кагана, и на всѣхъ станціяхъ жел. дор.

Правила редакціи: рукописи, доставленные безъ обозначенія гонорара, считаются бесплатными. Мелкія рукописи не сохраняются.

За перемѣну адреса: иногородн. на иногор. и городск. на городск. 25 коп., городск. на иногор. и обратно—60 коп.

ПЕРВОЕ РОССИЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

учрежденное въ 1827 г. заключаетъ:

I. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ОГНЯ:

- Недвижимыя имущества всякаго рода.
- Движимыя имущества, товары и машины.

II. СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ:

- Страхованія капиталовъ на случай смерти и на дожитіе.
- Страхованіе рента.

III. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ НЕСЧАСТІИ. СЛУЧАЕВЪ:

- Волонтерныя—работнхъ и служащихъ на фабрикахъ, заводахъ, горныхъ промыслахъ, въ сельскихъ и лѣсныхъ хозяйствахъ, при всякихъ строительнохъ работахъ, а также судовыхъ командахъ.
- Отдѣльные лица—отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, какъ въ сферѣ служебной дѣятельности, такъ и въ таковой.
- Пассажиры—отъ несчастій съ поѣздами желѣзныхъ дорогъ и пароходами, по пожизненнымъ полисамъ.

ПРАВЛЕНІЕ: ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, МОРСКАЯ, 40.

Агенты во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Имперіи.

ХИННОЕ МЫЛО

(содержитъ Chininum hydrochloricum 1%).

Приготовлено въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Совершенно уничтожаетъ головную перхоть и прекращаетъ выпаденіе волосъ.

Цѣна за кусокъ 40 коп., съ перес. 2 куса 1 руб. 10 коп.

Застѣвающие Лабораторію Докторъ В. И. Паченко и А. И. Энглундъ.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подписи А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами и марку С.-Петербургской Россійской Лабораторіи, которая имѣется на всѣхъ препаратахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Зимъ Беръ, Гамбургъ; для Южной и Сѣверной Америки: А. Иммеръ, Нью-Йоркъ. Главныя склады для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ. С.-Петербургъ, Бассейная улица, № 2724.

НОВАЯ ПЬЕСА

„КРИЗИСЫ ЖИЗНИ“,

ком. въ 5 д. О. Н. Поповой.

Выпис. можно изъ конторы „Театръ и Искусство“.

„БАБЪ“,

пьеса И. Гриневской, ц. 2 руб.

Новыя пьесы:

„ВОПРОСЫ ЧЕСТИ“,

изъ военнаго быта въ 4 д. Лева Жданова и А. Гена.

Удостоена одобренія на конк. А. Н. Островскаго. Мужскихъ ролей—6. Женскихъ—3. Мелкихъ ролей и—12; женскихъ—2.

Цѣна 35 к.

Цензуров. экзempl. изъ ред. „Театръ и Искусство“ по 2 р.

„Въ борьбѣ“,

(„ПРОФЕССОРЪ СМОЛИНЪ“),

въ 4 д. Льва Жданова.

Мужск. ролей—5; женск.—2. Мелкихъ мужск.—9; женск.—5. Цѣна 2 р. (Изд. Т. и Искусство).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1) „Среди цвѣтовъ“,

Зудермана, пер. Гольдштейна.

2) „Графиня Юлія“,

Отриндберга, пер. З. Венгеровой.

Въ конторѣ редакціи имѣются комплекты журнала „Театръ и Искусство“ за прошлые годы со всѣми приложеніями:

1897 г. (безъ пьесы „Трильби“ и № 50)	10 р.
1898 г. (безъ №№ 2, 3)	8 р.
1899 г. (безъ № 1 и № 2)	8 р.
1900 г. (полн.)	6 р.
1901 г. (безъ № 2 и № 3 и пьесы „Порохъ“)	6 р.
1902 г. (полн.)	7 р.
1903 г. (полн.)	7 р.
1904 г. (полн.)	7 р.
1905 г. (полн.)	7 р.

Безъ приложеній: 5 р. за 1 экз.

Почт. расх. по перес. компл. за счетъ выписывающаго.

С.-Петербургъ, 12-го февраля 1906 г.

„Встаньте, господа! Правительство идетъ, Правительство возвращается!“—такъ заканчивалась одна изъ знаменитыхъ статей Каткова. Кстати ее теперь припомнить. Кажущаяся летаргія бюрократіи кончилась. Встаньте, или если угодно, падите на колѣни: бюрократія идетъ, бюрократія возвращается, и первая ласточка—главное управленіе по дѣламъ печати—уже разослало 25 января циркуляръ, которымъ вмѣняетъ „въ непремѣнную обязанность неуклонно наблюдать за тѣмъ, чтобы драматическія произведенія исполнялись на сценахъ въ строгомъ соответствии съ текстами цензурированныхъ экземпляровъ этихъ пьесъ“.

„Антрепренеры и режиссеры частныхъ театровъ ставятъ иногда на сценахъ пьесы, совершенно запрещенныя драматическою цензурою (напр., въ нѣкоторыхъ городахъ была поставлена запрещенная драматическою цензурою пьеса „Ткачи“), иногда не соблюдаютъ сдѣланныхъ цензурою исключеній въ текстѣ пьесы, или же дополняютъ пьесу такими новыми сценами и фразами, которыя ни въ какомъ случаѣ (!) не были бы допущены цензурою. Наконецъ, иногда путемъ режиссерскихъ помарокъ,—исключеніемъ (!!) отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ фразъ,—пьесѣ умышленно придается тенденціозный характеръ, котораго она въ дѣйствительности не имѣетъ“.

Да, бюрократія идетъ, бюрократія возвращается... Болѣе гордая, болѣе заносчивая, болѣе требовательная, чѣмъ когда-бы то ни было. Свое кратковременное униженіе она старается выместить стѣсненіями, какихъ не зналъ даже режимъ Плеве... Не поразительно-ли это воспрещеніе „помарокъ“? Даже „чугунный“ уставъ о цензурѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ допускалъ свободу сокращеній... Но бюрократія идетъ, бюрократія возвращается... До сихъ поръ полиція слухала; теперь она будетъ рыться въ режиссерскихъ экземплярахъ, сличать тексты, производить обыски и выемки въ театрахъ.

Этотъ циркуляръ Главнаго управленія по дѣламъ печати, извлеченный нами изъ провинціальныхъ газетъ, явился весьма кстати къ открывающемуся 14 февраля сѣзду драматическихъ писателей. Надо же, наконецъ, громко и смѣло сказать, что мы, работающіе для театра, думаемъ о г-жѣ цензурѣ; надо же, чтобы всѣ узнали, какимъ униженіямъ подвергается художественное слово; надо же отмѣтить и по достоинству оцѣнить то усердіе, съ какимъ петербургская бюрократія подстегиваетъ мѣстныя власти, находя, что даже военное положеніе необходимо подкрѣпить новыми петербургскими циркулярами...

Бюрократія идетъ, бюрократія возвращается...

Въ Петербургѣ и Москвѣ собраны артистами Императорскихъ театровъ не малые деньги въ пользу провинціальныхъ „товарищей“. Какъ распредѣляются эти деньги? Относительно Москвы извѣстно, что деньги переданы въ Театральное Бюро и комиссія подъ предсѣдательствомъ г. Гарина-Виндинга распредѣляетъ суммы. Относительно Петербурга ничего неизвѣстно. Въ докладной запискѣ, составленной В. П. Далматовымъ и послужившей основаніемъ для разрѣшенія спектаклей дирекціей, говорилось о комисіи, избранной изъ артистовъ всѣхъ труппъ. Между тѣмъ комиссія избрана изъ состава одного Александрин-

скаго театра. Предполагалось далѣе, средства, полученные отъ спектаклей, употребить на поддержку театральныхъ предпріятій, доставленіе работы актерамъ, между тѣмъ, деньги употребляются только на единовременныя пособія.

Въ общемъ, собраны довольно значительныя суммы. Намъ представляется весьма рациональнымъ хотя часть собранной, весьма значительной, суммы употребить на прочное, солидное дѣло помощи. Таковымъ полагаемъ мы, можетъ быть Союзъ сценическихъ дѣятелей, въ основной фондъ котораго и петербургской, и московской комисіи слѣдуетъ отчислить весь тотъ остатокъ суммъ, который окажется послѣ удовлетворенія наиболее острой и неотложной нужды. Тысячи разойдутся какъ дымъ. А хотѣлось бы, чтобы остался слѣдъ, чтобы деньги взшли урожаемъ, дали всходы, послужили зерномъ для будущаго.

Что скажутъ комисіи? Отзовется ли петербургская? Считаетъ ли она, вообще, свое дѣло „распредѣленія“ гласнымъ и общественнымъ или намѣрена прятать въ синія папки чиновничьихъ бумагъ?

Харьковское товарищество русской драмы подъ управленіемъ А. Н. Дюковой разослало слѣдующее „циркулярное извѣщеніе“:

„Пока новыя политическія формы не внесутъ полнаго умиротворенія и успокоенія въ страну, каждому сценическому дѣятелю естественно задаться, въ настоящее уже время, вопросомъ, что предстоитъ русскому театру въ будущемъ сезонѣ, послѣ тѣхъ огромныхъ потерь, которыя понесены и артистами, и предпринимателями? Нельзя закрывать глаза передъ суровой дѣйствительностью и нужно взглянуть на наше положеніе трезво и сознательно! Ни одно рѣшительно театральное предпріятіе не можетъ выйти изъ тисковъ заканчивающагося сезона безъ огромнаго дефицита, который неминуемо ляжетъ на будущій сезонъ и будетъ тяжкимъ бременемъ на финансовую сторону его даже при условіи блестящихъ дѣлъ. А что будетъ съ театромъ при повтореніи нынѣшнихъ явленій и настроеній въ обществѣ? Какой же, однако, можно найти выходъ? Чѣмъ можно до нѣкоторой степени хотя бы гарантировать себя артистамъ отъ новыхъ потерь и лишеній?“

Мы думаемъ, что надо повести дѣло театра самимъ артистамъ безъ посредниковъ, безъ антрепренеровъ, дѣло тогда открывается чистымъ безъ долговъ, которые непременно должны быть у антрепренера, „продолжающаго“ дѣло, такимъ образомъ все, что выработаетъ это дѣло, останется достояніемъ труппы. Товарищество надо организовать возможно экономнѣе и производителнѣе, избѣгая затратъ и такъ называемыхъ „невозвратныхъ“ расходовъ, обременяющихъ обыкновенно всякое театральное предпріятіе, какого бы характера оно не было.

Мы остановились на мысли образовать въ Харьковѣ товарищество изъ артистовъ перваго амплуа и предоставить этому товариществу преимущества, которыя мы перечислили выше. Товарищество это получаетъ *безплатно*, до Великаго поста, театр коммерческаго клуба съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, съ декорациями, костюмами, библіотекой и всѣмъ имуществомъ, которое принадлежит намъ.

Сообщаемъ вамъ схематическія основы нашего предпріятія. Въ составъ товарищества входитъ А. Н. Дюкова, какъ пайщикъ и получаетъ за фирму, управленіе дѣломъ и веденіе его полноторную марки вышшаго мѣсячнаго оклада артистовъ товарищества, которое не можетъ быть выше 800 руб. Каждый пайщикъ, за исключеніемъ Дюковой и ея компаньона, вноситъ сумму, равную его мѣсячному нормальному окладу. Образовавшійся такимъ путемъ капиталъ является оборотнымъ и пополняется до своей нормы всегда изъ доходовъ, послѣ того, какъ будутъ покрыты всѣ расходы товарищества, а именно: уплачено жалованье служащимъ артистамъ, рабочимъ и администраціи (приблизительно 4 т.—4 1/2 т. руб.), вечеровой расходъ (1,500 руб. въ мѣсяцъ приблизительно). Участникамъ товарищества, которыхъ предполагено *десять*, гарантируется *шестьдесятъ* процентовъ ихъ оклада, которые будутъ имъ выдаваться, какъ обезпеченное жалованье. По окончаніи сезона взносы должны быть возвращены полностью,

ДОСЛАНА...
БИБЛИОТЕКА
А. В. ДУНАЧАРСКОГО

если они не будут израсходованы на покрытие убытков по предприятию. При выбытии до окончания сезона из товарищества, пайщик теряет свой взносъ.

Товарищество управляется Комитетомъ, въ который входятъ съ правомъ голоса: два режиссера, А. Н. Дюкова и И. А. Сапельковъ (по праву) и артистка и артистъ по выбору пайщиковъ, причемъ г. Сапельковъ имѣетъ право голоса во всѣхъ дѣлахъ Комитета, не получая, однако, никакого вознагражденія. Приблизительная сумма для открытія всѣхъ расходовъ 13—14 тыс. руб. Въѣстимость театра разсчитана на 1,000 руб. для обыкновенныхъ спектаклей и 1,300 руб.—для бенефисныхъ.

Въ доходъ А. Н. Дюковой поступаютъ по Великій постъ программы, прокатъ биноклей и объявленія на программахъ. Репетиціи предположено начать 30-го августа.

Трудно сказать, каковы будутъ результаты этого предприятия, но намъ симпатичны театральныя предприятия, въ которыхъ актеры являются хозяевами или, во всякомъ случаѣ, экономически заинтересованными лицами. Поэтому привѣтствуемъ начинаніе Дюковой и надѣмся, что новый типъ театральной организации, выдвинутый жизнью, не только утвердится, но и подвергнется дальнейшей эволюціи въ смыслѣ приближенія къ трудовой артели.

ХРОНИКА ТЕАТРА И ИСКУССТВА.

Слухи и вѣсти.

— Театръ на Офицерской снятъ В. Ф. Коммисаржевской на 5 лѣтъ. Театръ будетъ перестроенъ за счетъ дирекціи „Драм. театра“, на что ассигнована сумма въ нѣсколько десятковъ тысячъ руб. Кромѣ сцены, будутъ перестроены ложи, увеличенъ балконъ, уборныя и устроено ниже фойе.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ препятствій къ открытію сѣзда драматическихъ писателей. Открытіе сѣзда состоится 14 февраля, въ 12 час. дня, въ Панаевскомъ театрѣ, который любезно уступленъ г. Коршему. Записалось по настоящее время около 100 членовъ. Сѣздъ откроется рѣчами И. Н. Потапенко, Н. Ф. Арбенина и нѣк. др. Среди докладовъ, отмѣтимъ докладъ П. Д. Воборыкина.

— Труппа В. Ф. Коммисаржевской выѣзжаетъ въ Москву въ пятницу на первой недѣлѣ поста. Спектакли въ театрѣ „Эрмитажъ“ открываются 20 февраля „Безприданницей“.

— По слухамъ, театр „Пассажъ“ на будущій сезонъ собирается снятъ формирующееся на паевыхъ началахъ товарищество извѣстныхъ опереточныхъ артистовъ; сюда войдутъ также нѣкоторые оперные артисты. Товарищество задается цѣлью „возродить“ оперетку, какъ, главнымъ образомъ, музыкальное искусство.

— Театральное Общество разослало провинціальнымъ труппамъ предложеніе избрать делегатовъ для обсуждения устава Союза.

— Въ труппу Александринскаго театра принятъ В. Е. Карповъ.

— Въ субботу, 1 февраля, состоялось торжественное освященіе церкви въ убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей. Подробности дадимъ въ слѣдующемъ №.

— Въ настоящее время по Финляндіи совершаетъ артистическое турнѣ японская труппа, гастролы которой пользуются большимъ успѣхомъ. Труппа направляется въ Стокгольмъ.

— Г. Коршъ везетъ къ намъ слѣд. репертуаръ: „Пылкая страсть“ и „Кто правъ“—А. Шницлера, „Порченые“—Бріе, „Юная буря“—Разумовскаго, „Угловыя“, „Балетная“—М. Прага. Н. В. Свѣтловъ и г-жа Вольфъ въ Петербургъ не ѣдутъ.

— Постомъ въ Александринскомъ театрѣ разрѣшены дебюты: М. И. Свободиной-Барышевой, Анатолію Шмидтгофу, г. Кіенскому. Всѣ трое появятся въ пьесѣ Островскаго „Безъ вины виноватыя“. Разрѣшенъ еще дебютъ г. Волинскому, актеру на вторыхъ роли. Г. Шмидтгофъ появится еще въ „Закалъ“, и, можетъ быть, въ „Гувернеръ“.

— Какъ намъ сообщаютъ, изъ Союза оркестровыхъ музыкантовъ, послѣ разыгравшагося скандала, вышли гг. Глазуновъ и Черепнинъ. Надо думать, примѣру этому послѣдуютъ и другіе уважающіе себя члены. Останется г. Рѣзвцовъ со своей компаніей. И на здоровьѣ.

— На лѣтній сезонъ въ „Буффъ“ приглашены г-жи Капланъ, Смолина и г. Грѣховъ. Въ качествѣ администратора приглашенъ А. Н. Шульцъ.

— Французское общество артистовъ прислало на дняхъ Т.

О. еще 600 фран. для вспомошествованія нуждающимся русскимъ товарищамъ.

— „Передвижной театр“ снятъ на 5—6 недѣли поста театр на Офицерской.

— Новая, очень веселая одноактная пьеска (анекдотъ) В. О. Трахтенберга „Гдѣ раки зимуютъ“ пойдетъ, какъ мы слышали, въ весеннемъ сезонѣ на сценѣ Александринскаго театра.

* * *

Моск. вѣсти.

— Намъ пишутъ: Последнія двѣ недѣли въ Бюро наблюдалось сильное оживленіе въ оперномъ отдѣлѣ: составлялись на постъ, паску, Ѳомина и на лѣто двѣ труппы, въ данное время вполне сформированныя:

1. Постъ, паска и Ѳомина. Городъ Ростовъ-на-Дону. Антреприза А. А. Литвинова. Въ составъ труппы вошли: Познякова, Окунева, Орель, Тишевская, Лаврова, Кравецкая, Каржевина, Горянский, Платоновъ, Модестовъ, Мироновъ, Галецкий, Улухановъ, Мозжухинъ, Свободинъ, Чириковъ; капельмейстеры Литвиновъ, Звѣржанскій; режиссеръ Кравецкій, балетъ Императорскихъ театровъ, хоръ 30 человекъ, оркестръ 35 человекъ. На гастролы приглашены артисты Императорскихъ театровъ гг. Баклановъ, Южинъ и г-жа Южина-Ермоленко.

2. Постъ по 1 мая, Казань, съ 1 мая по июль поѣздка по Волгѣ, съ 23 июля по сентябрь Нижній-Новгородъ ярмарка. Товарищество Я. А. Позенъ. Въ составъ товарищества вошли: Веселовская, Арцыбашева, Антонова, Калинина, Харитонова, Борисенко, Саяновъ, Буравцовъ, Гладковъ, Комаровъ, Обрубовъ, Горяиновъ, Чистяковъ, Карпова, капельмейстеры Позенъ, Зеленый, режиссеръ Гецевичъ, балетъ Романовскаго. Хоръ 35 человекъ. Оркестръ 32 человекъ. На ярмарку въ Нижній-Новгородъ на гастролы приглашенъ Н. Н. Фигнеръ и Р. Е. Рене-Радина (Фигнеръ), кромѣ того ведутся переговоры съ другими гастролерами.

— Въ Москвѣ въ настоящее время засѣдаетъ коммисія по распредѣленію собранныхъ изъ различныхъ источниковъ (процентное отчисленіе съ жалованья артистовъ, доходъ отъ спектаклей) денегъ между нуждающимися провинціальными артистами. Въ составъ коммисіи выбраны: Д. В. Гаринъ, В. В. Чарскій, С. П. Невѣртинъ, М. М. Варравина, Ленинъ—отъ драмы, Г. Н. Васильевъ—отъ оперы, С. В. Добротинъ—отъ оперетки. Предсѣдателемъ избранъ Д. И. Гаринъ. Коммисія распредѣлила уже около 3,000 руб. Идетъ въ виду еще поступленія, которыя будутъ распредѣлены постомъ. Инициатива и общее руководство всѣмъ дѣломъ принадлежитъ И. О. Пальмину, обратившемуся къ актерамъ всѣхъ московскихъ театровъ съ просьбой оказать поддержку провинціальнымъ товарищамъ. Откликнулись, конечно, всѣ театры.

— 11 февраля въ театрѣ Солодовникова М. К. Максаковъ справляетъ 25-лѣтній юбилей своей сценической дѣятельности. Идетъ „Демонъ“.

— Какъ передаютъ „Нов. Дня“, воспрещено содержателямъ частныхъ театровъ „продавать“ спектакли постороннимъ лицамъ. Распоряженіе это вызвано боязнью, что сборъ съ спектаклей можетъ пойти на противоправительственныя цѣли.

— 4 февраля, въ день годовщины смерти Великаго Князя Сергѣя Александровича, спектакли во всѣхъ театрахъ были отмѣнены.

— На-дняхъ въ оперномъ театрѣ Зимины хористъ Красовскій, репетируя дуэль на рапирахъ, нечаянно ударилъ рапирой своего товарища Зубкова и прокололъ ему сонную артерію. Зубковъ немедленно скончался.

* * *

† П. И. Фелонъ. 6 февраля скончался Павелъ Ивановичъ Фелонъ, актеръ и драматическій писатель. Съ 1900 г. П. И. находился въ убѣжищѣ, куда поступилъ послѣ свыше 20-лѣтней службы на сценѣ на первыхъ роляхъ. Изъ пьесъ Фелонова болѣе извѣстны „Безъ вины виноватая“, „Купеческая дочь Дарья Осойкина“ и др. П. И. умеръ отъ чахотки въ возрастѣ около 60 лѣтъ. Сынъ П. И.—профессоръ Казанскаго университета.

* * *

† Е. П. Пономаревъ. 3 февраля скончался Евгеній Петровичъ Пономаревъ, художникъ и поэтъ. По окончаніи академіи художествъ Е. П. сотрудничалъ, какъ художникъ, а болѣе, какъ поэтъ, въ „Живописномъ Обзорѣ“ и др. Въ 1887 году онъ былъ приглашенъ на службу въ дирекцію Императорскихъ театровъ и съ этого времени до послѣднихъ дней несъ на себѣ тяжелое бремя постановокъ костюмной части различнаго рода пьесъ. Черезъ его руки прошли постановки такихъ оперъ, какъ „Жизнь за Царя“, „Дубровский“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Самсонъ и Далила“, „Фаустъ“, „Пиковая дама“, „Юаннъ Лейденскій“, „Тангейзеръ“ и др. Незадолго до смерти Е. П. только что закончилъ костюмы для постановки „Нерона“ и „Смерти Юанна Грознаго“. Но работа, поглащавшая всѣ его досуги послѣднихъ лѣтъ, была исторія русскаго костюма, часть каковой Е. П. представилъ, въ законченномъ видѣ, въ московскую Археологическую коммисію, за что удостоился лестныхъ отзывовъ специалистовъ.

Послѣднее время Е. П. выступалъ и въ качествѣ составителя либретто. Такъ, имъ составлены либретто для оперъ г. Направника „Франческо да-Рамини“, г. Шенка „Актея“ и „Послѣднее свиданіе“.

* *

† М. П. Тамамшевъ. 5 февраля неожиданно скончался отъ удара М. П. Тамамшевъ. М. П. свыше 20 лѣтъ былъ управляющимъ театра В. А. Неметти. Раньше онъ завѣдывалъ увеселительною частью „Альказара“, „Измайловскаго сада“ и т. д.

* *

Спектакль литераторовъ. Въ Новомъ театрѣ 8 февраля съ благотворительною, разумѣется, цѣлью шли „Плоды Просвѣщенія“, въ исполненіи литераторовъ, журналистовъ и даже рецензентовъ. Играли 5 рецензентовъ: гг. Фальковский, Арабажинъ, Фидлеръ, Дымовъ и г-жа Венгерова. Они играли... но вообще, скажемъ, какъ всѣ играли.

Умный нѣмецъ Винкельманъ выразился: мы не настолько нравственны и не настолько безнравственны, чтобы ходить нагишомъ. Скажемъ въ подражаніе: спектакль былъ не настолько хорошъ и не настолько плохъ, чтобы быть интереснымъ. Могло бы показаться очень занимательнымъ зрѣлище, гдѣ литераторы обнаружили бы при всей своей добросовѣстности, величайшую сценическую безпомощность. Точно также весьма могло быть любопытно, если бы сыграна была пьеса какъ-нибудь оригинально, по-свойски. Но за малыми исключеніями, играли не очень худо, т. е. не до смѣшного худо, но и не очень хорошо. Безпомощнѣе другихъ вызывая порою добрую улыбку на губахъ зрителя, были гг. Фальковский (Гроссманъ), Дымовъ (Григорій) и Фидлеръ (докторъ). Имъ хотѣлось апплодировать за самоотверженность. Въ одномъ мѣстѣ хотѣлось заапплодировать А. И. Куприну, произнесшему мастерски нѣсколько фразъ повара. А другимъ не хотѣлось апплодировать: они были приличны, ровны и выдержаны, какъ В. А. Тихоновъ (Федоръ), говорили хорошимъ бытовымъ тономъ, какъ гг. Баранцевичъ, Чириковъ и Фалѣевъ (мужики), игривы и веселы, какъ кн. Барятинскій (Вово), просто развязны, какъ г. Арабажинъ (профессоръ), солидны, какъ г. Аничковъ (Звѣздинцевъ), совершенно безстрастны, какъ г. Хирьяковъ (Семенъ), вполне увѣрены, какъ г. Ермиловъ (Яковъ), говорили громко, какъ баронесса Билла (Звѣздинцева) или не очень громко, какъ г-жа З. Яковлева, или отъ страха совсѣмъ не говорили, какъ З. А. Венгерова—и при всемъ этомъ, при всемъ разнообразіи тона, манеръ и пріемовъ, опыта и навыка—здѣсь—надѣмся, солгавъ не разсердятся—не было сценическаго искусства, не было мастерства, не было формы. Съ какой стати мы все это говоримъ? А вотъ съ какой: когда вы будете писать объ актерѣхъ и актрисахъ, вы, любители сценическаго искусства, подумайте о томъ, какой это большой трудъ и какое это большое искусство—и будьте снисходительны. Бросьте этотъ тонъ, словно актеръ—вашъ злѣйшій врагъ.

Одно замѣчаніе по адресу гг. Чирикова, Баранцевича и Фалѣева. У нихъ хорошій бытовой тонъ, но почему они сдѣлали мужиковъ такими подвижными шалунами? Куда дѣвалось мужицкое степенство?

Въ женскомъ персоналѣ бойкостью выдѣлилась г-жа Чирикова въ роли Тани. Сборъ былъ, разумѣется, большой. Всѣ интересовались, какъ сыграютъ литераторы, и хотѣли поглядѣть на такихъ симпатичныхъ и даровитыхъ писателей, какъ, напримѣръ, Купринъ и Чириковъ.

Н. Н.

* *

5 февраля исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти Гейне единственнаго, мучительно-прекраснаго Гейне (увы, я уже съ первыхъ словъ невольно подчиняюсь оригинальной образности его языка), котораго до сихъ поръ ненавидитъ старая Тевтонія, и на котораго молится молодая Германія, и все молодое всего міра... Гейне былъ еврей, типичный, характерный. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ „чего-нибудь изъ-подъ себя думалъ“ или какъ-нибудь особенно „вскрикивалъ“, какъ полагаютъ въ „Нов. Врем.“ Гейне былъ еврей по складу своего ума, остраго, наблюдательнаго, экзальтированнаго, но въ то же время остуженнаго рационализмомъ; онъ былъ еврей въ смыслѣ смѣси натурализма съ мистицизмомъ, поэзіи съ методологическою ясностью, меланхолии съ ядомъ безпощадной ироніи. Старая раса вмѣщаетъ въ себѣ эти видимыя противорѣчія, подобно старому городу, гдѣ рядомъ съ послѣдними „модернизированными“ фронтонами, высятся и средневѣковскіе шпицы, и античная капитель. Онъ былъ еврей еще и потому, что весь свѣтился какою-то лихорадочно нервнаго трепета, что сердце у него, словно, никогда не было на мѣстѣ, и ходуномъ ходили всѣ способности его души, всѣ свойства его интеллекта.

Поэзія рѣдко соединяется со способностью къ критическому анализу. Это явленіе общее и совершенно естественное. Поэзія—даръ синтеза, ибо высшій синтезъ—есть сама поэзія. Критика—продуктъ аналитики. Гейне былъ поэтомъ-критикомъ. Его „Женщины Шекспира“—это въ своемъ родѣ художественная математика. Его письма о французскомъ театрѣ—это

поэзія критической публистики. И сколько яду, блеска, ироніи! Онъ пишетъ о Гюго, котораго, разумѣется, считалъ огромнымъ талантомъ. „Его муза, несмотря на ея мощь и силу, проникнута въ то же время какою-то безпомощностью. Я бы сказалъ о ней то, что сказали про одну красавицу англичанку: „у нея двѣ лѣвыя руки“.“

Театръ—это поэзія въ иллюстраціяхъ, въ очевидности, въ доступныхъ чувственному воспріятію образахъ. И Гейне дѣйствительно любилъ театръ, отъ маленькой Дежазе, заставлявшей его хохотать, до Леметра и Бокажа, вызывавшихъ въ немъ бурный подъемъ лирическаго чувства.

Н. Н.

Генрихъ Гейне.

(Къ 50-лѣтію со дня смерти. † 5 (17) февр. 1856 г.)

Маринскій театръ. „Актея“ оп. П. П. Шенка. „Актея“—вторая опера нашего молодого композитора П. П. Шенка: На Маринской сценѣ она появилась внѣ репертуара—для благотворительнаго спектакля въ пользу комитета попеченія о сестрахъ милосердія. Ради собственной эстетической цѣли, не какъ средство благотворительности, „Актея“ врядъ-ли найдетъ пріютъ на казенной сценѣ. Здѣсь неохотно ставятъ даже такіе произведенія отечественныхъ композиторовъ, которые отмѣнены печатію гения. На что же надѣяться г. Шенку и прочимъ ему подобнымъ, написавшимъ пока только нѣсколько милыхъ талантливыхъ композицій?

„Актею“—яркимъ произведеніемъ назвать нельзя. Въ ней прежде всего нѣтъ того главнаго элемента, который даетъ оперѣ дыханіе жизни—нѣтъ „драматичности“. Мы давно перестали смотрѣть на оперу, какъ на концертъ. Мы требуемъ отъ оперы драматическаго движенія, драматическаго дѣйствія: Музыка въ оперѣ интересуется насъ лишь настолько, насколько она сумѣетъ дать колоритъ данному положенію и выразить въ звукахъ тѣ чувства, которыми живутъ дѣйствующія лица. Въ „Актеѣ“ композиторъ выводитъ рядъ лицъ, которыя оченъ длинно разсказываютъ о событіяхъ уже совершившихся, объ ощущеніяхъ, уже давно пережитыхъ. Получается не драматическое представленіе,—чѣмъ собственно и должна прежде всего быть опера,—а рядъ романсовъ, арій и дуэтовъ. Между чѣмъ сюжетъ, взятый г. Шенкомъ для его оперы, можно бы было обработать драматически. Онъ весьма поэтиченъ и благороденъ. Схема его такова. Храбрый вождь этрусковъ Фабій и красавица Актея, горячо любившіе другъ друга, трагически умираютъ наканунѣ свадьбы: Фабій смертельно раненъ въ битвѣ съ врагами, а Актея закалывается кинжаломъ, будучи не въ силахъ пережить своего возлюбленнаго. Проходитъ 2,000 лѣтъ, и влюбленная пара, насильственно оторванная другъ отъ друга, вновь встрѣчается. Мѣсто дѣйствія—Парижъ. Душа Фабія теперь воплощена въ художникѣ Октавѣ де-Фроссарѣ, а душа Актеи—въ графинѣ Гвиччiali. Однако испытанія любовниковъ еще не кончены. Они должны еще разъ умереть, чтобы соединиться въ лучшемъ мірѣ.

О музыкѣ „Актеи“ можно повторить то же, что приходилось говорить о предыдущихъ композиціяхъ г. Шенка. Эта

музыка, вообще не глубокая и не сильная, отличается изяществом отделки, вкусом и некоторой наклонностью къ новизнѣ. Съ точки зрѣнія драматизма музыка г. Шенка особой цѣны не имѣетъ. Только въ двухъ-трехъ мѣстахъ авторъ обнаруживаетъ настоящую драматическую жилку: это—разсказъ Октава въ 1 актѣ, конецъ дуэта призрака Актеи и Октава во 2 актѣ и финаль 3 акта. Непрерывный ариозный стиль, повидимому, мѣшаетъ развернуться автору. Даже тамъ, гдѣ музыка для точной характеристики текста должна быть по неволѣ нѣсколько безформенной—напр. въ видѣ речитатива—г. Шенкъ удерживается въ благовоспитанныхъ рамкахъ 4-хъ и 8-ми тактной мелодии. По своей конструкции опера „Актея“ представляетъ рядъ законченныхъ музыкальныхъ номеровъ. Слѣдуетъ отмѣтить внимательность композитора къ аккомпанименту; большой фантазіи здѣсь нѣтъ, но сопровождающіе голоса построены содержательно и интересно, образуя милыя звучности. Вообще оркестровка „Актеи“, за исключениемъ мѣстъ, требующихъ силы, сдѣлана умно и красиво.

Большой похвалы заслуживаетъ трудъ артистовъ, положенный ими ради благотворительности на нерепертуарную оперу. Г-жа Козаковская удачно справилась съ высокой по тесситурѣ партіей Актеи, да и роль провела толково. Голосъ артистки до сихъ поръ очень хорошій. Г. Большаковъ передалъ роли Фаби и Октава съ такимъ подъемомъ, какого я у него никогда не видалъ. Вмѣсто холоднаго доклада партіи, мы слышали проникнутое искреннимъ чувствомъ пѣніе. Голосъ артиста звучалъ прекрасно. Гг. Смирновъ (Эдгаръ) и Морской (пѣвецъ) блеснули своими хорошими голосами. Невыгодное впечатлѣніе оставили лишь г-жа Петренко (гризетка Жаннета) и г. Филипповъ (великій жрецъ), хотя и они старались во всю.

Спѣшности постановки оперы сказывалась весьма ощутительно. Хоры оказались плохо срепетованными. Танцы поставлены безвкусно. Отсутствие твердой режиссерской руки чувствовалось ясно.

Дирижировалъ оперой авторъ очень увѣренно и съ увлеченіемъ. Публики было достаточно. *М. Нестеровъ.*

* * *

Малый театръ. Пьесъ Бернштейна „Rafale“ у насъ посчастливилось. Она шла въ бенефисъ г-жи Робинъ на Михайловской сценѣ, ее трижды успѣли перевести и дважды поставить—въ Москвѣ у Корша и въ Петербургѣ въ Маломъ театрѣ и наконецъ о ней было весьма много разговоровъ. Между тѣмъ, ни съ какихъ точекъ зрѣнія, особой апробаціи пьесъ дать нельзя. Театральное производство средняго достоинства, но чисто французской отдалки. Адюльтеръ конечно—прежде всего; затѣмъ по обычаю двѣ отличныя роли; нѣсколько красивыхъ и ловко подогнанныхъ подъ занавѣсъ сценъ. Вотъ и все. Съ литературной точки зрѣнія—это ничего. Съ чисто театальной—пожалуй очень много. И вотъ почему „Rafale“ можно предсказать успѣхъ и на русской сценѣ: хорошая бенефисная пьеса; увлекательная—для той части публики, которая такъ любитъ гадать „чѣмъ кончится“...

Малый театръ поставилъ ее (подъ названіемъ „Вихрь“) въ бенефисъ г-жи Мироновой. Я не поклонникъ „драматическаго жанра“ этой актрисы. Я предпочитаю ея легкій, ироническій юморъ и преимущества комедійнаго тона. Но то, что дала г-жа Миронова въ „Вихрь“, безусловно лучшее изъ ея драматическаго репертуара. Не чувствовалось обычной искусственности, краски были, если и не очень ярки, то во всякомъ случаѣ естественны... Другая хорошая роль пьесы досталась г-ну Баратову. Неприятно было смотрѣть на него и вѣроятно трудно было играть съ нимъ г-жѣ Мироновой. Ни атома темперамента, когда нѣкоторыя сцены пьесы должны вызывать именно бурный взрывъ страсти и отчаянія. Роль настоящаго „перваго любовника“, а не свѣтскаго фата—какимъ изволилъ играть ее г. Баратовъ.

Бенефисный спектакль г-жи Мироновой былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ ея бенефиснымъ торжествомъ: обиліе добрыхъ чувствъ и оваций, цѣлое садоводство „fleurs de Nice“...

Им.

* * *

Новый театръ. „А Пипа пляшетъ“, сказка въ 4-хъ д. Г. Гауптмана, А. Пиппа все пляшетъ... Пляшетъ она въ кабачкѣ, среди подкутившей компаніи; пляшетъ то передъ грубымъ уродомъ, дикаремъ Гуномъ, то передъ идеалистомъ и мечтателемъ, человѣкомъ „не отъ міра сего“, молодымъ Михелемъ, то, наконецъ, передъ директоромъ завода, принадлежащимъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ, заурядныхъ людей. Пляшетъ Пипа и все словно перерождается подъ вліяніемъ ея танцевъ, становится лучше, чище.

Пляшетъ Пипа и всѣмъ хочется закружиться вмѣстѣ съ ней, ибо кажется, что въ вихрь ея танцевъ можно унести въ свѣтлую заоблачную даль, гдѣ иная, прекрасная и совершенная жизнь.

Пипа символизируетъ собой то идеальное высшаго порядка, что ведетъ къ новой вѣчной жизни. Мечтатель Михель долго бродилъ по снѣжнымъ скаламъ въ поискахъ новой жи-

зни. Но онъ остановился, какъ только встрѣтилъ Пиппу, ибо нашелъ то, что искалъ. Однако новую жизнь Михель постигъ только тогда, когда умеръ Гуны, являющійся олицетвореніемъ грубой животной силы, и когда, что случилось одновременно, ослѣпъ самъ Михель. Съ Гуномъ умерла та животная сила, тѣ грубые инстинкты, съ которыми долго пришлось изъ-за Пипы бороться Михелю. Умерли грубые инстинкты и Михель ослѣпъ для нашей грѣховной жизни. То, что насъ приковываетъ къ землѣ, для Михеля теперь не существуетъ, ибо онъ ничего окружающаго не видитъ. Зато Михель теперь можетъ вполне отдаться той новой, духовной жизни, о которой онъ такъ долго мечталъ.

Отсюда выводъ: для того, чтобы постичь духовную, высшего порядка, жизнь,—надо отречься отъ всего земнаго, надо убить въ себѣ инстинкты и страсти.

Вотъ, думается, основная мысль новой символической пьесы Гауптмана. Говорю „кажется“, ибо пьеса въ общемъ туманна, запутана, и идеѣ ея слѣдуетъ посвятить обширную статью.

Исполненіе весьма добросовѣстное. Рѣдко какая пьеса проходила въ „Новомъ театрѣ“ съ такимъ ансамблемъ. Хорошъ г. Аркадьевъ въ роли Гуна, недуренъ г. Діевскій—Михель. Прекрасную фигуру Ванна, занимающаго въ новой пьесѣ Гауптмана тоже положеніе, какъ и учитель Готвальдъ въ „Ганнелѣ“, создалъ г. Шмитъ, вообще очень даровитый актеръ. Г-жа Яворская (Пиппа) играла сдержанно, но танцевала она не настолько хорошо, чтобы, подобно Пиппѣ, привлечь къ себѣ всѣхъ и каждого.

В. Л.—ин.

* * *

Театръ Неметти. 6 февраля состоялся спектакль, устроенный слушательницами женскаго педагогическаго института въ пользу бесплатной столовой. Спектакль оказался неудачнымъ, программа была пестрая.

Тутъ была и драма перваго изъ модернистовъ—Пшибышевскаго „Ради счастья“, и музыкальное отдѣленіе, и танцы.

Играли пьесу „на провалъ“. Скудно до того было, что, по выраженію Чехова, можно было обрадоваться и судебному приговору... Лишь г. Тинскій (Зджарскій) да г-жа Ярцева—Елена придавали пьесѣ нѣкоторую живость.

Виталий Т'.

* * *

Піанистъ г. Іосифъ Сливинскій, пользующійся извѣстностью за границею, болѣе, чѣмъ въ Россіи, далъ свой второй концертъ въ Маломъ залѣ Спб. Консерваторіи. Концертъ собралъ большое число слушателей, и г. Сливинскій долженъ быть доволенъ своимъ успѣхомъ. Публика принимала его весьма сочувственно, и піанистъ, не смотря на сильное утомленіе, долженъ былъ играть сверхъ программы. А утомленіе сказалося у г. Сливинскаго уже при исполненіи, въ концѣ перваго отдѣленія вечера, крупной и трудной въ техническомъ отношеніи вещи—Kreiserlied'ы Шумана, сыгранной концертантомъ далеко не съ безукоризненною чистотою въ пассажахъ и въ общемъ довольно сухо. Шумановская мечтательность на этотъ разъ совсѣмъ почти исчезла.

Вообще игра г. Сливинскаго, при всемъ техническомъ ея блескѣ, при всемъ разнообразіи тушъ, оставляетъ слушателя холоднымъ, равнодушнымъ. Чувствуется отсутствіе въ этой игрѣ того „fep সঙ্গে“, которое захватываетъ слушателя, связываетъ невидимыми нитями его съ эстрадою.

Кромѣ Шумана, въ программу концерта вошли произведенія Баха, Генделя, Листа, Рубинштейна, Шопена и др. съ большимъ подъемомъ исполнена была безсмертная соната Ор. 58 Шопена. Красиво звучали въ исполненіи г. Сливинскаго, игравшаго на чудномъ инструментѣ, такія граціозныя вещицы, какъ „Gretchen am Spinnrade“ Шуберта-Листа, „An bord d'une Source“ Листа и др.

Г. Сливинскій намѣренъ прочно основаться въ Петербургѣ и заняться здѣсь педагогической дѣятельностью. *Н—о.*

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Астрахань. Похороны П. А. Папаянъ прошли необычайно торжественно. Почтить память покойной собралось около 10 тыс. человѣкъ. На гробъ возложено было много вѣнковъ.

Бану. Г. Никулинъ дѣлаетъ хорошія дѣла. Въ „Касп.“ читаемъ: „28 января была поставлена допотопная веселая комедія Квитки „Шельменко деньщикъ“. Гг. артисты играли сначала довольно вяло, но разыгрались и окончили пьесу лихимъ краковьякомъ“.

Варшава. Варшавскіе польскіе казенные театры рѣшено окончательно передать въ вѣдѣніе городского управленія Варшавы.

Казань. Артистка мѣстной драматической труппы Кварталова и артистъ Семеновъ привлечены къ отвѣтственности за исполненіе въ дворянскомъ собраніи номеровъ, не значащихся въ программѣ.

Кисловодскъ. Театръ снова данъ на лѣтній сезонъ И. Л. Форкатти.

Кишиневъ. На постъ театръ Благороднаго собранія данъ Г. Я. Шейну для русской оперы.

Кіевъ. Со второй поста недѣли П. Л. Скуратовъ отправляется въ поѣздку въ города—Житомиръ, Умань, Ровно, Бердичевъ, Винница, Бѣлая-Церковь, Гродно, Ковно, Казатинъ и Жмеринка. Репертуаръ: „Еврей“, „На пути въ Сіонъ“ и „Дѣти Солнца“.

— Артисты товарищества театра Соловцовъ получили за январь девяносто три коп. на рублевую марку.

— 31 января, во время представлѣнія въ городскомъ театрѣ оперы „Шопень“, съ г-жей Де-Вось-Соболевой послѣ второго акта произошелъ тяжелый обморокъ. Послѣ долгихъ усилій, привели въ чувство артистку, но она уже не могла пѣть въ этотъ вечеръ. Партію ея закончили, по выраженію анонсировавшаго объ этомъ г. Гельрота, „лицо безъ пѣнія“.

— Покушеніе на самоубійство. Актеръ В. съ цѣлью лишить себя жизни, отправился ночью на 25 января въ конецъ Бибиковского бульвара, и здѣсь, въ пустынномъ мѣстѣ, выстрѣлилъ въ себя два раза въ грудь изъ револьвера. Сначала В. упалъ, но, затѣмъ, поднялся и сталъ бродить по улицамъ, не смотря на то, что пули застѣли у несчастнаго въ области сердца. Положеніе раненаго очень серьезно. Причина отчаяннаго поступка В. заключается въ семейныхъ неурядицахъ. Предъ самоубійствомъ онъ предупреждалъ врача о предположенномъ и просилъ немедленно сообщить женѣ его, опереточной артисткѣ С-й.

— „На пути въ Сіонъ“ прошла и въ театрѣ „Соловцовъ“ въ бенефисъ г. Лепковского. Разыгрзана была пьеса слабо.

Минскъ. Матеріальная дѣла труппы Бѣляева, несмотря на хорошій ея составъ, весьма печальны. Сборовъ нѣтъ. Причина—тревожное состояніе населенія.

Н.-Новгородъ. Постомъ въ гор. театрѣ будетъ играть оперная труппа (товарищество).

Одесса. Январь оказался для антрепризы Гор. театра въ матеріальномъ отношеніи весьма удачнымъ. „Вывезли“ главнымъ образомъ „Еврей“. Въ общемъ состоялось 26 драматическихъ спектаклей, давшихъ 19,000 руб., что составляетъ по 730 руб. на кругъ. Кромѣ того выручено отъ сдачи театра подъ оперные спектакли свыше 2,000 руб., такъ что январь въ общемъ далъ приходу 21 тыс. руб., расходъ составилъ 15,000 р. чистой прибыли получено 6,000 руб.

— Въ лѣтнемъ театрѣ поочередно трезвости будетъ лѣтомъ драматическая труппа. Покончено уже съ М. К. Шаровъ и г. Смирновымъ, который приглашенъ въ качествѣ главнаго режиссера.

— „На пути въ Сіонъ“ въ гор. театрѣ не пойдетъ, въ виду того, что между авторомъ и г-жей Коммисаржевской состоялось соглашеніе, по которому послѣдней предоставляется исключительное право на постановку этой пьесы въ тѣхъ городахъ, которые включены въ маршрутъ поѣздки труппы В. Ф. Коммисаржевской.

— Театръ Сибирякова на постъ и пасхальную недѣлю данъ драматической труппѣ, играющей теперь въ гор. театрѣ.

— Первое представлѣніе „Новой жизни“ сопровождалось маленькой демонстраціей по адресу г-жи Юрьевой (см. маленьк. хронику). Во 2-мъ актѣ, когда артистка, игравшая Харитину, подошла къ наборной кассѣ, ее встрѣтили шиканьемъ, свистками и криками „Юрьева—хулиганка“.

— Намъ пишутъ: Въ театрѣ Сибирякова съ 10 января рядъ бенефисовъ. Прошли бенефисы Э. О. Ангеля, Н. Е. Кубанскаго, С. П. Медвѣдева, Е. Д. Щетинникова, Б. Я. Грѣхова; впереди бенефисы А. А. Смолиной, С. А. Миртовой, И. П. Чарова и Е. В. Милликетти.

Матеріальнаго успѣха прошедшіе бенефисы не имѣли, что объясняется отчасти все еще тревожностью времени, послѣ пережитыхъ Одессой событій, отчасти слишкомъ высокими бенефисными цѣнами.

Въ общемъ опереточная труппа Н. И. Тамары пользуется вполне заслуженнымъ успѣхомъ, заработавъ дирекціи въ первый мѣсяцъ 940 руб. и второй мѣсяцъ 540 руб. на кругъ. Успѣхомъ пользуются г-жи А. А. Смолина, С. А. Миртова, Е. Д. Щетинникова, Н. Е. Кубанскій, Грѣховъ и др. Большимъ успѣхомъ пользуется также Н. И. Тамара, какъ исполнительница цыганскихъ романсовъ.

Полтава. Намъ телеграфируютъ: „Спѣшу порадовать труженниковъ сцены: полтавскій полиціймейстеръ Дайстеттенъ оставилъ свой постъ, привлекая меня къ уголовной отвѣтственности за телеграмму въ „Театръ и Искусство“. Глѣбъ Ростовъ“. Исторія становится прямо анекдотической.

Саратовъ. На три слѣдующихъ зимнихъ сезона, театръ Очкина снялъ артистъ В. А. Тассинъ—для оперныхъ и драматическихъ спектаклей. Г. Тассинъ подалъ также въ театральн. комитетъ заявленіе объ арендѣ и городского театра на три года.

— Со второй недѣли поста въ театрѣ Очкина начнутся спектакли кievской драматической труппы театра „Соловцовъ“. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Смирнова, Дарьяль, Инсарова, Гондатти, Шаровъ, Чужбинова, Волкон-

ская, Зарѣцкая, гг. Орловъ-Чужбининъ, Лепковский, Смирновъ, Кручининъ, Вересановъ, Муравьевъ-Свирскій, Лебедевъ, Зубовъ, Цвиллиневъ и др.

Театръ снятъ товариществомъ на постъ и Пасху, съ правомъ продолженія аренды, въ случаѣ успѣха, и до іюля.

Тифлисъ. Театръ „Артистичес. общества“ на весь великій постъ данъ товариществу „Новой драмы“ подъ управленіемъ Вс. Э. Мейерхольда. Въ труппу вошли г-жа Мунтъ и гг. Загаровъ, Снигиревъ, Пѣвцовъ, Костромской, Канинъ и др. артисты изъ москов. Худож. театра.

— Постомъ въ казенномъ театрѣ организуется товарищество русской оперы, которое будетъ устраивать спектакли вплоть до первой недѣли Пасхи.

Харьковъ. Въ теченіе поста здѣсь будетъ опера. Первая двѣ недѣли въ гор. театрѣ опера г. Эйхенвальда, на Пасхѣ опера гг. Кабанова и Валентинова.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г.! 25 января 1906 г. я выбылъ изъ состава опернаго т-ва по слѣдующимъ причинамъ. Послѣ прекращенія дѣятельности перваго субсидированнаго т-ва составилось новое соединенное т-во артистовъ, оркестра, хора и балета. Въ т-во это я не вступилъ по разнымъ соображеніямъ, главнымъ же мотивомъ было то, что я желалъ избавить себя отъ активнаго участія въ рѣшеніи вопросовъ т-ва, сопряженныхъ часто съ мелкими дрязгами и т. п. Тогда гг. Штейнбергъ, Боголюбовъ и Дракули предложили мнѣ вступить въ дѣло на гарантированную плату. Я сократилъ разую плату до минимума, за что я удостоился благодарности.

Для поднятія сборовъ т-во рѣшило ставить оперетки и просило меня участвовать въ нихъ. Для пользы дѣла я пошелъ и на эту жертву. Практика, однако, показала, что большей частью я пѣлъ въ опереткахъ и совершенно игнорировался какъ оперный артистъ. Такъ напримѣръ: въ субботу, 21 января, я пѣлъ оперетку „Маскота“ и въ слѣдующую субботу, 27 января, долженъ былъ пѣть опять оперетку „Корнев. колокола“, а въ промежуткѣ этой недѣли, когда репертуаръ состоялъ изъ „Аиды“ и „Карменъ“ я къ удивленію моему былъ обойденъ, несмотря на то, что въ этихъ операхъ я выступалъ въ теченіи цѣлаго сезона.

При такомъ оскорбительномъ отношеніи со стороны т-ва я не могъ больше оставаться въ труппѣ. Были еще и другія обстоятельства, о которыхъ распространяться пока не стану.

Р. 25 января при входѣ въ вестибюль театра по приказанію г. Штейнберга я былъ остановленъ однимъ изъ членовъ т-ва съ предложеніемъ или взять билетъ или оставить театрѣ. Я протестую противъ такого образа дѣйствія г. Штейнберга, нарушающаго испоконъ вѣковъ существующую традицію, что артисты имѣютъ безплатный входъ во все театры и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываю свое порицаніе всему т-ву за то, что оно на послѣднемъ своемъ засѣданіи признало поступокъ г. Штейнберга вполне корректнымъ и заслуживающимъ одобренія.

Деньги въ размѣрѣ 68 р. 44 коп., составившія дефицитъ триумфрата и выданныя ими мнѣ изъ своего кармана, но въ то время заработанная мною собственнымъ трудомъ, возвращать кому бы то ни было изъ нихъ я не намѣренъ, а жертвую ихъ въ пользу общества вспомоществованія бѣднымъ студентамъ, что находится въ Тифлисѣ подъ предсѣдательствомъ ст. сов. М. Д. Ельчукова.

М. Соколовскій.

М. г.! Не имѣя подходящаго на зимній сезонъ мѣста, я поступилъ временно на частную службу. 14 января я получаю черезъ контору Е. К. Разсохиной предложеніе отъ антрепренера Шульца: „предложите Грабовскому главнымъ капельмейстеромъ 200 бенифисъ дорогу вторымъ“. Я выразилъ свое согласіе. На посланную Шульцу конторой г-жи Разсохиной телеграмму: „Грабовскій согласенъ авансу 100 руб.“ получилъ отвѣтъ: „Согласенъ получить авансъ Грабовскому субботу (19 янв.) прошу немедленно выѣхать Ростовъ. Воскресенье начинаю“. Получивъ такую телеграмму, я отказываюсь отъ мѣста, приобретаю двѣ новинки, много мелкихъ вещей два дивертисмента, укладываю вещи и przygotowляю все, чтобы въ субботу выѣхать немедля по полученіи аванса.

Проходитъ суббота, воскресенье, понедѣльникъ—аванса и извѣстія никакого. Наконецъ недѣли черезъ полторы получается письмо отъ Шульца, въ которомъ онъ пренаивно увѣдомляетъ контору, что онъ нашелъ какого-то піаниста на мѣсто дирижера, а потому въ моихъ услугахъ не нуждается.

Такимъ образомъ я остался безъ заработка и съ матерьяломъ, ненужнымъ мнѣ, на рукахъ. Пр. и пр.

Капельмейстеръ Сергій Грабовскій.

Москва.

М. г., г. редакторъ! Въ № 4 „Театра и Искусства“ появилась рецензия гр. А. Толстой, въ которой уважаемая рецензентша, признавая меня „безспорно-опытнымъ“ артистомъ, отмѣчаетъ мой успѣхъ въ роли де-Бути (Неводъ),—слѣдствіемъ чего можетъ явиться слѣдующее: гг. антрепренеры, интересующіеся мной, могутъ подумать, что я перешелъ на любовниковъ—спѣшу выяснитъ это печальное недоразумѣніе: роль де-Бути я игралъ случайно, замѣняя больного товарища—и вообще я не любовникъ, а въ теченіе всего самарскаго сезона какъ и раньше игралъ приблизительно такія роли: „Докторъ Штокманъ“, „Лагидинъ профессоръ“ („Крылья связаны“), „Сергій Хмаринъ“ („Весенній потокъ“), „Грозный“ (въ „Василисѣ“ и „Смерти Грознаго“), „Консуль Берникъ“, „Мастеръ“ и „Министръ“ (Бара), „Несчастливцевъ“, „Ротмистръ“ („Отецъ“), „Графъ де-Ризооръ“ и многія другія, но, очевидно, къ сожалѣнію, графиня въ этихъ роляхъ меня не замѣтила.

Николай Смуркинъ.

М. г.! Отъ всей души привѣтствую кружокъ петербургскихъ суфлеровъ, положившихъ начало нашему корпоративному союзу; увѣренъ, что всѣ наши провинціальныя собратья не замедлятъ примкнуть къ нему, помня, что „если не мы за себя, то кто-жъ за насъ“. Я безконечно радъ, что моя завѣтная мечта объединитъ всѣхъ суфлеровъ въ братскій союзъ; осуществится; будемъ надѣяться, что гг. антрепренеры и предприниматели окажутъ ему должную поддержку, признавъ всю справедливость несложныхъ требованій, положенныхъ въ основу нашей экономической платформы. Суфлеръ М. А. Долиновъ. Саратовъ, городской театръ.

М. г.! Позвольте черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала возстановитъ истину письма, помѣщеннаго въ „Театръ и Искусствъ“, № 4.—Я лично актрисѣ Е. Г. Соловцовой никакихъ писемъ не писалъ, лично ни въ какія объясненія не вступалъ, отказа отъ службы не посылалъ (фактъ-же отказа ей самой подтвержденъ ея-же письмомъ), никакого официальнаго свидѣтельства доктора не получалъ (частную записку доктора лично мнѣ, съ сообщеніемъ объ обыкновенной женской болѣзни у г-жи Соловцовой, нельзя признавать за свидѣтельство о болѣзни).—На все мною вышеизложенное имѣю неопровержимыя письменныя доказательства.

Пр. и пр. Антрепренеръ театра г. Ржева.

М. г., г. редакторъ! Въ № 47 было помѣщено письмо г. Тамарина, въ которомъ онъ пишетъ, что я, прослуживъ 2½ недѣли, забралъ авансъ, не уплатилъ за квартиру и скрылся изъ города даже въ костюмѣ, въ которомъ игралъ.

Служа до сего времени исключительно въ опереткѣ и желая перейти въ драму на амплуа простака съ пѣніемъ, я подписалъ домашній контрактъ г. Тамарину въ г. Бузулукъ, выставивъ первымъ условіемъ, что ѣду исключительно на роли упомянутаго амплуа, не заботясь ни о жалованіи, ни о томъ съ кѣмъ придется служить, но имѣя въ виду пріобрѣсти репертуаръ.

Но съ открытія сезона г. Тамаринъ заставилъ меня играть роли (конечно для своихъ выгодъ—не имѣя полной труппы)—Мурова „Безъ вины виноватые“, Бубнова „На днѣ“, Страдина „Набатъ“, Плахова „Весенній потокъ“, Константина „Дѣти Ванюшина“, Яшурова „Темная сила“ и проч. въ этомъ родѣ.

На всѣ мои просьбы и заявленія избавить меня отъ непосильнаго труда исполнять роли не моего амплуа, г. Тамаринъ продолжалъ мнѣ ихъ навязывать, увѣряя, что это необходимо для хода дѣла и выполненія намѣченнаго репертуара. Считаю условіе нарушеннымъ и во избѣжаніе непрерывныхъ пререканій, происходившихъ при распредѣленіи ролей и кончавшихся объявленіемъ штрафа, я счелъ за лучшее уѣхать безъ личныхъ объясненій и выѣхалъ 26-го октября, прослуживъ 3½ а не 2½ недѣли, какъ заявляетъ г. Тамаринъ (что имѣетъ, конечно, значеніе въ уплатѣ взятаго мною аванса, т. к. расчета по день службы произведено не было).

Что же касается возведеннаго на меня г. Тамаринымъ обвиненія, будто я уѣхалъ въ костюмѣ въ которомъ игралъ, могу сообщить слѣдующее: костюмъ (пейзанскіе штаны) въ которомъ я игралъ Жака „Женское любопытство“, во время спектакля разорвался по швамъ и пришлось скалывать булавами, дабы кончить спектакль. Въ виду предстоящаго повторенія этой пьесы я отдалъ его портнихѣ, гдѣ онъ и остался. За квартиру мною уплачено было сполна, такъ что эта гнусная ложь добавлена г. Тамаринымъ видимо для яркости факта и для него, во всякомъ случаѣ не можетъ остаться безнаказанной, т. к. я одновременно съ симъ пріобрѣгаю къ прокурорскому надзору съ просьбой о привлеченіи г. Тамарина къ уголовной отвѣтственности за клевету.

Авансъ, въ суммѣ 10 рублей, недостающихъ къ окончательному расчету, причитающагося мнѣ жалованія за время съ 15 по 26-е число будетъ своевременно возвращенъ г. Тамарину на судѣ. Прим. и пр.

А. Южанскій.

БЕРЛИНСКИЙ LESSINGTHEATER.

„Пиппа танцуетъ“, Гаупгмана.

Пиппа (г-жа Орлова).

М. Г. По поводу замѣтки въ вашемъ уважаемомъ журналѣ заявляю, что никогда меня изъ московскаго Художественнаго театра не „увольняли“.

Прим. и пр. *Александръ Захаровъ.*

Берлинъ, 30 янв. (12 февр) 1906 г.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Въ „Южн Краѣ“ находимъ воспоминанія о „Надѣ Терлецкой“.

Лѣтъ 12 тому назадъ „Надя Терлецкая“ блистала на харьковскомъ горизонтѣ, плѣняя стараго и малаго. „Газель съ улыбочкой вакханки“... Въ честь „Нади Терлецкой“ устраивались молодежью загородныя поѣздки на первыхъ „резинкахъ“, а „клубскіе старички“ „заказывали“ ей ужинъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ сада коммерческаго клуба.

О ней можно было сказать извѣстными Апухтинскими стихами, измѣнивъ лишь конецъ:

Грекъ изъ Одессы, еврей изъ Варшавы,

Юный студентъ и сѣдой генералъ

Каждый искалъ въ ней любви и забавы...

Но врядъ ли кто имѣлъ право сказать, что онъ былъ предпочтенъ ею. Она оставалась добродѣтельной до „глупости“...

Помню я лѣтъ восемь тому назадъ встрѣчу съ Надей Терлецкой въ Москвѣ при совершенно особыхъ условіяхъ. Я сидѣлъ въ Художественномъ театрѣ. Давали „Смерть Грознаго“. Шикарная брюнетка въ шляпѣ а ля испаньоль съ почти аршиннымъ чернымъ же страусовымъ перомъ прямо обратилась ко мнѣ изъ-за портьеры, назвавъ по фамилии. Я не сразу узналъ въ этой блестящей „монденкѣ“ скромную Надю Терлецкую, — но это была она... „Послѣ десятка словъ, она шепнула, что такъ разговаривать неловко“, а что мнѣ слѣдуетъ зайти въ ложу. Отъ капельдинера, специально дежурившаго при литерѣ А, я узналъ, что въ ней „господа П—К—“, и онъ назвалъ фамилію гремѣвшихъ тогда сибирскихъ заводчиковъ-милліонеровъ, владѣльцевъ чутъ ли не цѣлыхъ округовъ.

Въ брилліантовой оправѣ она держала медальонъ съ портретомъ престестнаго мальчика, котораго потеряла незадолго до этого въ Сибири, почему и усиленно развлекалась, чтобы забыть эту утрату; она только что вернулась изъ Парижа и Испаніи съ крошечной дочкой... Отъ знакомыхъ я узналъ потомъ, какъ безумствовали эти два брата П.—К. съ обѣими Терлецкими, сколько прожили милліоновъ, сколько было про-

играно денегъ въ Монте-Карло, въ Петербургъ и Бѣлокаменной. Въ концѣ концовъ, конечно, П.—К. разорились, и „другъ“ Нади попалъ подъ конкурсъ; но она въ критическую для него минуту отдала ему всѣ свои драгоценности—и получила взаменъ векселя на 300 тыс. руб. Наступилъ ея періодъ декаданса... Терлецкая стала учиться пѣнію, готовилась въ драму—и кончила фарсомъ. Помню ее потомъ уже безъ всякой роскоши и блеска брилліантовъ „начинающей“ актрисой, еще болѣе красивой, съ охмѣляющей чувственной улыбкой, стройную и гибкую, какъ черкешенка, какою была вѣроятно, ея мать..“

*** Въ одесской газ. „Рус. Рѣчь“ напечатана слѣдующая курьезная замѣтка:

„Одна изъ талантливѣйшихъ артистокъ нашей драматической труппы М. А. Юрьева, которой предстоитъ участвовать въ пьесѣ „Новая жизнь“, въ роли наборщицы, причемъ на сценѣ приходится работать у наборной кассы, для возможности болѣе реальнаго воспроизведенія на сценѣ этой работы, она (?) изучала вчера въ нашей типографіи техническіе приемы набора, съ большимъ вниманіемъ и не меньшимъ любопытствомъ присматриваясь къ необычному для талантливой дѣятельницы сцены труду.“

Отъ редакціи. Четыре слова настоящей замѣтки набраны самой М. А. Юрьевой“.

Не послѣднія ли четыре слова набраны г-жей Юрьевой? Замѣтка ею набрана, а вотъ къмъ наврана?

*** Начальники полиціи и губернаторы непогрѣшимы. Актеръ Н. Никольскій-Франкъ разсказываетъ въ „Руси“ о пертерпѣнныхъ имъ неприяностяхъ на спектаклѣ „Гейша“, 5 февраля. „Играя губернатора, я отвѣтилъ на вопросъ Вунъ-Чи: „Не губите меня, г. маркизъ; неужели же вы мнѣ сдѣлаете погромъ?“—слѣдующее—„Что ты съ ума сошелъ!—Вѣдь я японскій губернаторъ, а не одесскій градоначальникъ“. Я придумалъ тебѣ наказаніе. Я тебя сдѣлаю редакторомъ политическаго журнала „Пулеметъ“, а затѣмъ продамъ твою чайную безъ предварительнаго объявленія въ полицейской газетѣ „Новое Время“. Этимъ я закончилъ актъ.“

По окончаніи акта, въ уборную ко мнѣ является приставъ 1-го участка Литейной части—г. Шебеко. „Вы позволяете себѣ говорить,—сказалъ онъ,—политическія „отсебятины“ и затрагивать лицъ, занимающихъ высокое положеніе. Если вы себѣ еще позволите, то я немедленно прикажу опустить занавѣсъ и сорву спектакль“. Куплеты мнѣ пѣть не разрѣшили, объявивъ: „Если вы затронете кого-нибудь изъ министровъ, полиціи, или вообще позволите порицать дѣйствія правительства, то мы съ вами расправимся, и спектакль прекратимъ“. Послѣ спектакля былъ составленъ протоколъ, въ которомъ меня обвинили еще въ томъ, что я называлъ хоръ „хулиганами“, а своего лакея (по пьесѣ) „черносотенцемъ“.

*** Въ театрѣ, снятомъ дирекціею Драматическаго театра, на Офицерской, будетъ совершенно перестроена сцена по плану Н. Н. Арбатова, составляющему его секретъ или „открытіе“. Этотъ планъ признанъ архитекторами вполне исполнимымъ, и по ихъ мнѣнію совершенно измѣнить типъ сцены. Новая сцена Н. Н. Арбатова разрѣшаетъ, какъ говорятъ, вопросъ о „четвертой стѣнѣ“. Секретъ будетъ подаркомъ режиссера на новоселье театра.

*** Изъ такъ называемыхъ профессиональных недоразумѣній. Въ Совѣтѣ Т. О. недавно разсматривалось дѣло по жалобѣ актера Щепановскаго, служащаго у Н. И. Соб.-Самарина на то, что его оштрафовали на 7 дней. жалованье за отказъ отъ роли Заболовича въ „Фимкѣ“. По контракту онъ обязанъ играть „первыхъ и вторыхъ любовниковъ, неврастениковъ, фатовъ (неврастеникъ—фатъ?), и въ пьесахъ ансамбля роли, подходящія къ субъективнымъ даннымъ“. Тутъ самое курьезное—соединеніе неврастеника и фата. Какихъ же еще „субъективныхъ данныхъ“ нужно? Развѣ что grande coquette...

*** Антрепренерская убѣдительность. Въ провинціи ставится „Преступленіе и наказаніе“. Роль Дуни, сестры Раскольникова, послана одной изъ первыхъ артистокъ. Та находитъ ее недостаточно интересной и отказывается. Антрепренеръ летитъ къ ней:

— Что вы дѣлаете! Вы отказываетесь отъ такой роли! Свидригайлова играетъ Маріусъ Маріусовичъ Петипа, Вы при публикѣ стрѣляете въ артиста, получающаго чуть не тысячу рублей и это не роль!?!..

Такъ и уговорилъ.

*** Въ „Новостяхъ Дня“ помѣщено письмо въ редакцію А. Д. Вьяльцевой, въ которомъ она заявляетъ, что напечатанное въ № 2 газеты „Вѣче“ письмо подложно. „Это письмо,—говоритъ г-жа Вьяльцева,—выставляетъ меня врагомъ освободительнаго движенія и человѣкомъ стоящимъ за реакцію“. Поэтому она „горячо протестуетъ“ „противъ этой мистификаціи“ и привлекаетъ редактора газеты Владимировича за подлогъ.

Судя по кѣмъ-то даннымъ, можно было, однако, думать, что г-жа Вьяльцева все-таки болѣе склоняется къ реакціоннымъ партіямъ. Но очень рады, что не такъ. Пусть поестъ во славу прогресса.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Антигона“.

Антигона (г-жа Лачинова). Рис. М. Слѣпня.

СОЮЗЪ И ПОЛИТИКА.

Признаюсь, я былъ крайне удивленъ совершенно неожиданнымъ выводомъ г. Пана въ статьѣ „Союзъ сцен. дѣят. и его политическая платформа“. Исходя изъ положенія, что антрепренеръ это—буржуа, а актеръ—пролетарій,—положенія, съ которымъ можно согласиться лишь отчасти (а почему отчасти, слѣдуетъ ниже) г-нъ Панъ полагаетъ, что невозможно сочетать ихъ интересы на политической почвѣ и, въ то же время, вполне допускаетъ таковое на почвѣ экономической и профессиональной.

Я думаю какъ разъ наоборотъ: на политической почвѣ найдется гораздо больше точекъ соприкосновенія актерскихъ и антрепренерскихъ интересовъ, нежели на экономической. Прежде всего и тотъ, и другой—россійскій... обыватель. Отнюдь не гражданинъ, т. к. до „гражданства“ намъ такъ же далеко, какъ до звѣзды небесной, а именно обыватель.

А что такое современный россійскій обыватель, и каковы его „права“ и т. д., я полагаю, пояснять не требуется.

Нельзя оставаться хладнокровнымъ зрителемъ того, что творится въ странѣ и не жаждать хоть чѣмъ-нибудь, хоть послѣднимъ запасомъ своихъ ничтожныхъ силъ принять участіе въ ея освобожденіи.

Мнѣ часто приходится слышать, какъ „благоразумные“ люди говорятъ: „помилюте, что-же могутъ сдѣлать“ для освободительнаго движенія сценическіе дѣятели? Вѣдь для того, чтобы бороться надо имѣть силы, а какія-же силы для борьбы у театра?

Очень можетъ быть. Предположимъ, что театръ и его дѣятели въ настоящемъ ихъ положеніи—совершенно безсильны.

Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что они должны устраниваться отъ борьбы и, стоя въ сторонѣ, спокойно ждать, чѣмъ разрѣшатся событія, «чья возьметъ», и потомъ, улучивъ моментъ, перейти на сторону побѣдителя?...

Итакъ, повторяю: всѣ сценическіе дѣятели, будь они буржуа или пролетаріи, не могутъ не жаждать освободиться отъ режима бюрократіи и добиться «свободы», которая г. Панъ весьма легкомысленно считаетъ уже «завоеванными»...

Стоитъ открыть любую страницу любой даже самой реакціонной газеты, чтобы убѣдиться, что ни одна «свобода», не только не завоевана, но и тѣ призраки свободъ, которые носились въ воздухѣ до 17 октября, успѣли испариться въ кровавомъ туманѣ.

Въ частности, театръ, во всей его совокупности, терпитъ отъ режима такіа притѣсненія, которыя зачастую дѣлаютъ невозможнымъ самое его существованіе. Этого, я думаю, читателямъ «Театра и Искусства» пояснять и доказывать не требуется: 100% ихъ испытала это на себѣ и своихъ близкихъ. И здѣсь, конечно, отъ полицейскаго, цензурнаго, административнаго, военнаго и т. д. произвола страдали и страдаютъ въ одинаковой степени какъ актеры, такъ и антрепренеры. Послѣдніе, пожалуй, даже больше: ихъ бьютъ прямо по карману, а это, какъ извѣстно, ахиллесова пята антрепренерскаго существованія.

И вотъ, я думаю, что, если на какой почвѣ и можетъ состояться соглашеніе интересовъ антрепренеровъ и актеровъ, то это именно на почвѣ политическихъ стремленій; что же касается экономическихъ соотношеній, то они между актеромъ и антрепренеромъ будутъ всегда тѣ-же, что и между всякими—хозяиномъ и работникомъ или, говоря современнымъ языкомъ, между пролетаріемъ и капиталистомъ (хотя-бы и миѳическимъ, какъ показывали крахи этого сезона).

Актеръ будетъ стремиться подороже продать свой трудъ, а антрепренеръ—купить его подешевле. Борьба на этой почвѣ неизбежна и какое можетъ тутъ быть «единеніе»—совершенно непонятно.

Улучшеніе условій труда, сокращеніе рабочихъ часовъ, повышеніе заработной платы и пр.—все это, конечно, относится къ экономической, а не къ политической программѣ, и г. Панъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что она не можетъ быть искренне принята г.г. антрепренерами.

Экономическіе и профессионально-правовые интересы актеровъ и антрепренеровъ это—два крайнихъ полюса. Начиная съ перваго сѣзда сценическихъ дѣятелей, когда впервые заговорили объ ихъ взаимоотношеніяхъ, затѣмъ, въ теченіи десятилѣтнихъ бюрократическихъ экспериментовъ театральнаго общества съ «нормальными» (!!) контрактами, черными досками, антрепренерскими совѣщаніями, манипуляціями бюро и т. д., съ полной очевидностью выяснился непримиримый антагонизмъ между актеромъ и антрепренеромъ. А ужъ, кажется, въ эти «блаженные» годы театральныи міръ былъ достаточно далеко отъ политики... Я, по крайней мѣрѣ, за 13 лѣтъ ни разу не слышалъ этого слова за кулисами.

Резюмирую: политическая платформа союза сценическихъ дѣятелей можетъ объединить весь театральныи персоналъ, какъ людей, связанныхъ общей идеей освобожденія родины, а съ ней и родного театра, экономическая же программа не мо-

жетъ быть одна и та же у буржуазіи въ лицѣ антрепренеровъ и у пролетаріата, въ лицѣ актеровъ и прочаго театральнаго персонала.

Отсюда неизбежность организаціи профессиональныхъ союзовъ изъ представителей различныхъ отраслей театральнаго труда.

Уже есть «союзъ оркестровыхъ музыкантовъ», недавно образовался «союзъ суфлеровъ», поговариваютъ о союзѣ портныхъ и костюмеровъ и т. д. Все это союзы исключительно экономическо-профессиональные и, конечно, весьма неугодные г.г. антрепренерамъ, т. к. главная ихъ задача—борьба съ эксплуатацией предпринимателей.

Съ своей стороны, антрепренеры конечно, не замедлятъ объединиться въ «синдикаты».

А актеры?...

Они, вѣроятно, окажутся и тутъ «въ хвостѣ»...

Н. Ш.—.

АНДРЕА НИККОЛИ.

(Окончаніе).

Если искать для Никколи русскихъ параллелей, то надо его поставить между двумя комиками, къ сожалѣнію, уже давно, и оба преждевременно, отшедшими насъ: между Андреевымъ-Бурлакомъ и Градовымъ-Соколовымъ. Такъ какъ петербуржцы не знали ни того, ни другого, то я, пожалуй, рѣшу назвать одно имя, очень имъ знакомое и пріятное, хотя и не признанное въ области „серьезнаго искусства“:—покойнаго Ленни—талантливѣйшаго чело-вѣка, изъ котораго во всякомъ другомъ государствѣ вышелъ бы Кокленъ, да еще и какой! а мы размѣняли его въ балаганнаго шута! У Никколи съ Ленни общая способность смѣшить и весело поднимать настроеніе театра уже однимъ своимъ появленіемъ на сцену. Но Ленни, какъ фарсовикъ, достигалъ этихъ счастливыхъ результатовъ десятками курьезныхъ фортелей, на которые былъ находчивъ безконечно, тогда какъ Никколи беретъ васъ въ свою веселую власть глубокимъ, умнымъ, мягкимъ, добродушнымъ юморомъ, до того чуждымъ шаржей, что онъ часто слаживаетъ и тѣ, какіе въ смѣхотворныхъ пьесахъ предписываются комику жаждущими легкаго успѣха авторами. Покойный Ленни могъ играть изумительно, создавая роли, какъ настоящій комикъ-реалистъ, но публика не любила видѣть его серьезнымъ и „не вѣрила“ ему, когда онъ забиралъ вглубь,—она обрекла его въ жертву шутловству и мѣщанской пошлости. Съ нимъ, напри-мѣръ, былъ такой случай. Въ какомъ то фарсѣ ему понравилась роль и занялся онъ ею съ любовью, преподнесъ публикѣ по комедійному. Ни хлопка. Провалился первый актъ фарса, провалился второй,—ну, а въ третьемъ... „не вынесла душа поэта“: у Ленни, среди монолога, вдругъ, съ позволенія сказать, отлетѣли пуговицы отъ штановъ, и актеръ бросился подбирать ихъ, бѣгая на четверенкахъ. Театръ заревѣлъ отъ восторга, фарсъ былъ спасенъ, но—какъ же долженъ былъ умный и талантливый Ленни презирать въ эти минуты и свою публику, и свое проклятое ремесло! Итальянцы—страстные любители веселой легкой сцены, и никакими шаржами ихъ не удивить: недаромъ же лучшіе европейскіе комики-буффъ—вѣнскій Жирарди, нашъ Живокини—были итальянскаго происхож-

НОВЫЙ ТЕАТРЪ.

„Передъ восходомъ солнца“ Гауптмана.

Краузе (г. Кручининъ). Рис. М. Слѣпана.

денія!—Но они любятъ и смѣну впечатлѣній. Поэтому ихъ фарсъ никогда не превращается въ фейерверкъ безостановочной пошлятины, утратившей всякій смыслъ и правдоподобіе, какъ на русскихъ веселыхъ сценахъ, надо съ горестью сказать, стоящихъ на этотъ счетъ внѣ европейской конкуренціи. Современный итальянскій фарсъ—это просто легкая комедія, *commedia brillantissima*, часто заимствованная съ французскаго и лишь приспособленная къ флорентинскимъ или неаполитанскимъ нравамъ, въ центрѣ которой вставлены фигуры Стентерелло или Пульчинеллы. Таковы „*I pellegrini di Montelupo*“, „*I viaggiatori di Burlone*“ и т. д. Какъ типическій примѣръ, болѣе понятный нашей публикѣ, можно указать „Богему“—Мюрже, а она называлась „*Vita Spensierata con Stenterello filosofo per necessita*“—„Жизнь на авось“, съ Стентерелло, философомъ по необходимости. Въ выше названныхъ двухъ комедіяхъ Никколи безподобенъ. Въ первой онъ играетъ ханжу, возвратившагося въ захолустный городъ Монтелупо (въ Тосканѣ, километрахъ въ 50 отъ Флоренціи по дорогѣ въ Пизу; тамъ знаменитая тюрьма съ отдѣленіемъ для уголовныхъ преступниковъ, признанныхъ помѣшанными; я когда-то описывалъ ее въ старой „Россіи“, рассказывая объ одиночномъ заключеніи Пассананте), послѣ паломничества въ Римъ на поклоненіе папѣ. Образки, четки, поклоны, крестное знаменіе, благочестивые анекдоты. И непрерывные громы противъ зятя-адвоката, такъ какъ тотъ социалистъ и въ религіи человѣкъ свободомыслящій. Внезапно открывается, что богомолецъ, живя въ Римѣ, благоговѣлъ не столько предъ папою, сколько предъ нѣкоторою красивою кокеткою, и горяча даже выдалъ ей обязательство жениться, будучи весьма женатымъ и почтеннымъ отцомъ семейства! Удралъ онъ отъ своей Цирцеи изъ Рима въ захолустье и думаетъ, что въ Монтелупо продувная дама его не найдетъ. А та не только нашла, но еще и поручаетъ именно зятю-вольнодумцу вести процессъ противъ обольстителя. Старикъ въ ужасѣ.

Тутъ у Никколи были моменты столь высокаго комизма, что онъ именно Андреева-Бурлака мнѣ напомнилъ. Когда торжествующій зять—его зовутъ Альфредомъ—излагаетъ старику близкую возможность скандала, Никколи смотритъ на него долго, жалобно и безсмысленно, какъ кроликъ на удава, и вдругъ—непроизвольно мурлычитъ на него *tremolando* и самымъ плачевнымъ голосомъ изъ „Травиаты“:

— Alfredo, Alfre-e-edo...

„Выдержать эту марку“ совершенно невозможно. Въ театрѣ лишь одинъ человѣкъ остался серьезнымъ—самъ Николи. Я хохоталъ, какъ ребенокъ. Мои спутники, хотя плохо понимающіе по-итальянски, тщетно зажимали рты платками. Оркестрикъ, публика, прислуга—все ревѣло хохотомъ. И зять Альфреда на сценѣ—красавецъ Синьори—тоже не выдержалъ, залился рѣзвымъ юношескимъ смѣхомъ...

— Слушайте,—говоритъ онъ тестю,—если угодно вамъ, я спасу васъ, но вы должны исполнить все, что я прикажу.

— Повинуюсь.

— Для начала—вотъ: въ присутствіи всѣхъ вашихъ благочестивыхъ поклонниковъ вы споете гимнъ Гарибальди.

— Что?! Этому разбойнику?! нечестивцу?! отлученному отъ церкви?! Никогда!

— Вы споете гимнъ Гарибальди или...

Никколи сразу осѣдаетъ и изъ пѣтуха превращается въ мокрую курицу:

— Но я мотива не знаю... — молить онъ.

— Я вамъ напою, извольте пѣть за мною...

И Никколи поетъ... но—какъ поетъ! Цѣлая трагедія побѣжденной политики! Такимъ голосомъ г. Грингмутъ пѣлъ бы „Карманьолу“ или князь Мещерскій—„Вставай, подымайся, рабочій народъ!“.

Въ „*Viaggiatori di Burlone*“ Никколи играетъ провинціальнаго буржуа, который, на охотѣ, имѣлъ несчастье нечаянно подстрѣлить путешествующаго *incognito* индійскаго принца и, струсивъ послѣдствій, удралъ въ Швейцарію. Но судьба преслѣдуетъ Stenterello. Въ пограничномъ городкѣ Chiasso его принимаютъ за подстрѣленнаго принца, и, чтобы не выдать себя, Stenterello долженъ играть роль августѣйшаго путешественника. Городокъ обрадовался случаю повеселиться и пошумѣть. Оваціи, манифестаціи, рѣчи, балы. Тутъ у Никколи изумительны три момента: когда толпа вопитъ ему—„*Evviva il principe! Morte all'assassino*“—Да здравствуетъ принцъ! Смерть его убійцы!“, когда онъ слушаетъ рѣчь на индійскомъ языкѣ и, расхрабрившись, на нее отвѣчаетъ и когда наконецъ, впадъ въ нѣкоторый хлестаковскій

„Передъ восходомъ солнца“.

Бейботъ (г. Шмитъ). Рис. М. Слѣпана.

азартъ, онъ произноситъ благодарственный спичъ къ народу... Если бы „Ревизоръ“ добрался наконецъ до итальянскихъ сценъ, Никколи сыгралъ бы Хлестакова превосходно, равно какъ и Подколесина. Когда я вижу новаго европейскаго артиста, я всегда думаю, что изъ русскаго классическаго репертуара былъ бы онъ въ состоянїи перенести на свою родную сцену? Никколи созданъ для Подколесина, со своимъ умѣніемъ комически передавать унылую безхарактерность, кислую растерянность, нравственную вялость.

Въ противоположность Грассо, Никколи—актеръ почти безъ жеста. Удивительно, какъ мало пользуется онъ своими руками и ногами. Лицо и голосъ, полный насмѣшливыхъ интонацій, — вотъ и весь его арсеналъ. Типу Stenterello онъ посвятилъ себя девять лѣтъ тому назадъ, взявъ его такъ сказать въ приданое за своею женою—дочерью знаменитѣйшаго въ свое время Стентерелло, Ландини, фирму котораго до сихъ поръ сохраняетъ труппа Никколи. Раньше Никколи былъ просто очень хорошій характерный актеръ, съ сильно драматическимъ оттѣнкомъ. Я видѣлъ Никколи въ двухъ-трехъ роляхъ его стараго репертуара, и онъ былъ превосходенъ. Напримѣръ—въ знаменитомъ „Il cantico dei cantici“ (Пѣснь пѣсней)—Феличе Кавалотти, классическомъ произведенїи, къ сожалѣнію, по условїямъ нашей драматической и духовной цензуры, врядъ ли возможномъ къ переводу для русскаго сцены. Или въ „Inferno, Purgatorio e Paradiso“ (Адъ, чистилище и рай) Новелли—бытовой тосканской комедїи, гдѣ Никколи играетъ неудачника-мастерового... Какъ большинство итальянскихъ артистовъ, Никколи необычайно способенъ къ быстрымъ и рѣзкимъ нервнымъ подъемамъ темперамента и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда репертуаръ даетъ ему драматическую сцену, онъ бываетъ очень силенъ и ярокъ. Изъ-за него стоитъ смотрѣть поэтому даже старинныя мелодрамы, которыми итальянскія импрезы угощаютъ народъ и дѣтей по воскресеньямъ. Вообще часто замѣтно, что вѣчный Стентерелло изрядно надоѣлъ Никколи. Не будь маска эта столь выгодна и для Тосканы совершенно необходима, онъ бы съ большимъ удовольствїемъ съ нею разстался, чтобы играть въ обычныхъ, не связанныхъ никакою условностью, прїемахъ реальнаго творчества.

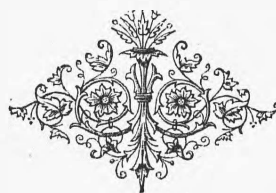
У Никколи хорошая, сыгравшаяся труппа, съ которою неразлучно онъ началъ свою антрепризу, пережилъ ея голодные годы и наконецъ вступилъ въ фазисъ благоденствїя. Отличный, пылкій jeune premier—Т. Синьори, почти юноша, красоты необыкновенной, очень недурные простакъ и второй комикъ. Слабы только дамы, крайне вульгарныя во всѣхъ салонныхъ роляхъ, хотя бытовой народный репертуаръ дается имъ отлично, и двухсотлѣтняя комедїя аббата Занони: „Le ciane di Firenze“, поэтому одна изъ боевыхъ въ репертуарѣ Никколи. Видѣлъ я труппу Никколи всегда въ условїяхъ невозможной обстановки театра-барака, въ балаганѣ съ чуть не шекспировскою сценою. Но—театръ всегда ломился отъ публики. Я думалъ, когда Грассо прїѣхалъ въ Віареджіо, что онъ, какъ первоклассная знаменитость, да еще блестяще обставленная внѣшнимъ антуражемъ, раздавитъ маленькое флорентинское дѣло. Ничуть не бывало. Люди любятъ смѣяться, а Никколи продолжалъ изъ вечера въ вечеръ дѣлать полные сборы.

Было бы не хорошо закончить рассказъ о Никколи, не отмѣтивъ одной трагикомичной черты его таланта. Онъ вообще великій мастеръ передавать бытовыя подробности тосканскаго обихода—въ осо-

бенности, городского, но—въ чемъ у него нѣтъ, да кажется даже ужъ и не можетъ быть соперниковъ, это—въ изображенїи вѣчнаго голода, въ которомъ всегда и неизмѣнно пребываетъ, хронически недоѣдающій и истерзанный желудочнымъ стономъ, флорентинскій пролетарій. Никколи передавалъ этотъ житейскій мотивъ въ нѣсколькихъ пьесахъ—и бывали моменты, когда становилось совсѣмъ не смѣшно, а очень печально. Онъ напомнилъ и хорошо объяснилъ мнѣ сотни праздныхъ фигуръ, въ унылой картинности лежащихъ у фонтана на Piazza della Signoria, на скамьяхъ въ Loggia dei Lanzi или безцѣльно влачащихъ ноги по Via Colzaiuoli. Иностранцы любятъ этими романтическими фигурами, какъ образцами красивой итальянской лѣни и поэтическаго отлыниванья отъ трудовой прозы, тогда какъ это—лишь ходячїй голодъ и воплощенная безработица, у которыхъ единственное достоинство—пиджакъ на плечахъ и штаны на ногахъ. Я не помню сейчасъ, какъ называлась одноактная пьеса, гдѣ этакому злополучному утаптывателю мостовыхъ достается вдругъ—словно съ неба свалилось—хорошая порція макаронъ. Никколи изъ этой сцены,—только смѣшной въ „Донъ-Жуанъ“ и „Фра Діаволо“,—прямо социальную иллюстрацію какую-то сдѣлалъ—вродѣ знаменитаго ужина жареною собакою въ „Ткачахъ“—Гауптмана. Его „смѣшной“ аппетитъ воскресилъ въ памяти тысячи такихъ же бродячихъ Stenterello, съ разными именами, которымъ совсѣмъ не до смѣха ѣсть хочется, и было жаль его, жаль ихъ,—получилась трагедія если не голода, то аппетита, потерявшаго надежду быть когда-нибудь хоть сколько-нибудь удовлетвореннымъ даже въ самыхъ скромныхъ своихъ потребностяхъ. И опять вспомнить Хлестакова: сцены второго акта, голодовку-то въ гостилицѣ,—какъ бы изобразилъ ее итальянскій комикъ!

Я очень совѣтовалъ Никколи поѣхать въ Россїю. Конечно ему надо въ этомъ случаѣ и труппу усилить, и обстановкою обзавестись, и репертуаръ почистить, оставивъ въ немъ только боевыя пьесы перваго комика и отказавшись отъ безконечнаго множества безразличной дряни, которую онъ играетъ или ради новизны ея, или ради отдыха отъ ежедневной тяжелой работы. Сейчасъ Никколи съ труппою работаетъ въ Тунисѣ, а затѣмъ мечтаетъ объ Америкѣ, гдѣ итальянскіе гастролеры привыкли находить состоянїя: Новелли, Закконе, Густаво Сальвини—„молодой“ Сальвини, которому въ этомъ году исполнилось 55 лѣтъ,—кочуютъ тамъ постоянно и почти безвыѣздно. Если Никколи доберется наконецъ до нашихъ столицъ, то петербургцы и москвичи получатъ много удовольствїя. Никколи привезетъ имъ много смѣха,—а это товаръ, нынѣшней Россїи нужный, потому что война наша злополучная, внутреннїя бури и голодъ почти вовсе истребили его въ нашемъ отечествѣ. И—что главное—для того, чтобы запастись у Никколи драгоценнымъ и облегчающимъ жизнь товаромъ смѣха, не надо даже знать итальянскаго языка: настолько актеръ этотъ—выразительный, живой, грелъефный, общепонятный, международный, всечеловѣчскій мимъ...

Александръ Амфитеатровъ.

ДЕНЬ ГЛИНКИ.

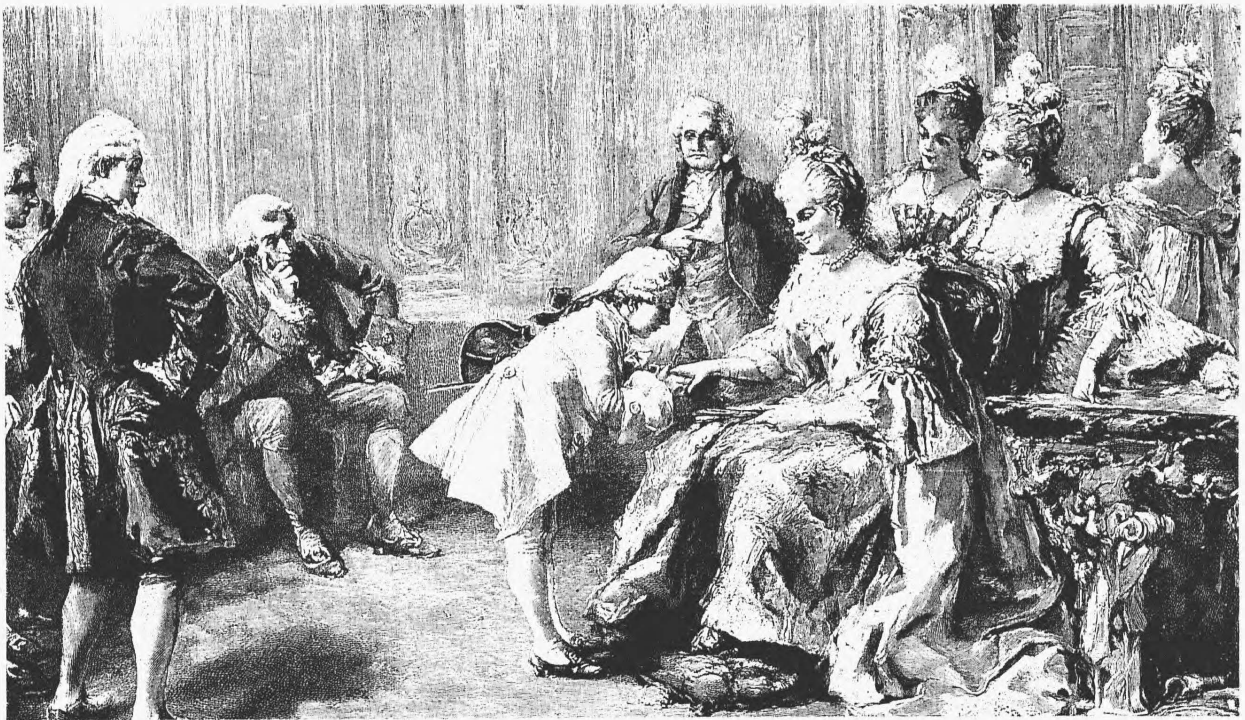
(Къ открытію памятника).

Въ исторіи народовъ, литературы, искусствъ есть изумительныя явленія необычайной очевидности, замѣчательныя фигуры, создавшія не только эпохи но положившія основаніе и давшія жизнь всему великому будущему.

Человѣческая мысль, быстро со всѣмъ свыкающаяся, не проникающая въ сокровенный смыслъ начала и замѣчательный процессъ эволюціи, нуждается въ внѣшнемъ толчкѣ, чтобы оглянуться на все происходящее, проникнуть въ тайну его, прочувствовать всю сложность и гениальность человѣка, заложившаго фундаментъ Вѣчнаго Памятника.

Правда, поражаетъ, но все же, для него есть обоснованіе въ видѣ фундамента изъ «Камаринской» и «Руслана» Глинки. Но внезапный поворотъ отъ «Аскольдовой могилы» къ «Жизни за Царя», отъ Гурилевскихъ романсовъ къ балладѣ Финна, отъ ребяческой инструментовки до-глинкинскаго періода къ блестящему мастерству въ «Русланѣ»—это феноменъ, не поддающийся обоснованію и разгадкѣ какъ и всѣ великія тайны въ природѣ, какъ Пушкинъ въ русской литературѣ.

Пора отбросить басню о томъ, что Глинка всю жизнь прожилъ диллетантомъ—бариномъ, удовлетворяясь успѣхами своихъ романсовъ въ свѣтскихъ салонахъ. При всей гениальности его, мастерство и прекрасныя формы его произведеній могли явиться лишь результатомъ серьезной, упорной работы. Не придавая большого значенія занятіямъ

Малолѣтній Моцартъ въ гостяхъ у маркизы Помпадуръ.

(Къ 150-лѣтію со смерти Моцарта).

Въ исторіи русской музыки такой фигурой является Михаилъ Ивановичъ Глинка.

Наше поколѣніе, наслаждаясь красотой твореній Римскаго, Глазунова, Рахманинова, упоиваясь болѣзненными восторгами Скрябина, вѣроятно, рѣдко задумывается надъ тѣмъ, что сто лѣтъ тому назадъ, когда на Западѣ уже красовались вдохновенія Баха, Моцарта,—Россія питалась отечественной музыкой Верстовскаго, Алябьева, Львова, Варламова и подобныхъ. Проведите параллель между Бахомъ, Моцартомъ и Верстовскимъ, Львовымъ сто лѣтъ тому назадъ и между Вагнеромъ, Франкомъ, Листомъ, Р. Штраусомъ, Регеромъ и Бородинымъ, Чайковскимъ, Мусоргскимъ, Корсаковымъ, Глазуновымъ, Рахманиновымъ и Скрябинымъ—теперь, и вы увидите изумительную, поражающую линію восходящаго успѣха русской музыки.

Отъ «Донъ Жуана» до «Саломеи» Штрауса путь гораздо ближе, нежели отъ Варламовскихъ романсовъ до «Кашея» Римскаго и «Поэмъ» Скрябина. Замѣчательный успѣхъ и широкій разливъ русской симфонической музыки послѣ глинкинскаго періода,

подъ руководствомъ Цейнера Фукса, Майера и Базили, хотя являющимся показателемъ потребности знаній будущаго гениальнаго музыканта, надо думать, что Глинка, хотя и безъ системы, много самъ работалъ надъ гармоническими и контрапунктическими задачами, много просматривалъ и анализировалъ образцы европейскихъ мастеровъ.

Лучшимъ доказательствомъ его упорной, кропотливой работы является оставленный имъ цѣлый ворохъ нотныхъ рукописей, до сихъ поръ не опубликованный.

Первая поѣздка Глинки въ Берлинъ, къ знаменитому въ свое время теоретику Дену, является однимъ изъ самыхъ важныхъ періодовъ жизни композитора. Здѣсь, подъ руководствомъ образованнаго педагога, Глинка систематизировалъ свои знанія, приобрѣлъ массу новыхъ свѣдѣній и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлалъ то, на что, вѣроятно, всякому талантливому человѣку пришлось бы потратить нѣсколько лѣтъ.

Попытки Глинки, во время его пребыванія въ Италіи писать въ духѣ италіанскихъ композиторовъ

ему слабо удавались. Его гений тянуло на родную ниву,—онъ былъ слишкомъ русскій человѣкъ, чтобы ассимилироваться на европейской почвѣ; отъ Запада онъ взялъ только знанія, съ тѣмъ, чтобы вложить ихъ въ созданія своего національнаго гения.

Я не стану здѣсь говорить о томъ, что высшее проявленіе искусства интернаціонально, но замѣчу лишь, что первыя проявленія искусства всюду носили отпечатокъ націонализма, да къ тому еще весь историческій укладъ русской жизни долженъ былъ создать вначалѣ искусство національное, чисто русское.

И Глинкѣ суждено было явиться создателемъ русской музыки, русской школы. Гигантская сила его гения, изумительная волна творчества и замѣчательное мастерство создали не только «Руслана», и начало русской музыки, а явились возможностью основанія русской школы въ лицѣ блестящей «могучей кучки». И если теперь, мы уже вышли за предѣлы національнаго музыкальнаго искусства, если мы добрались до красотъ всечеловѣческой музыки и европейской утонченности, до тончайшаго духовнаго «разврата» Скрябина, то вся заслуга и честь нашихъ успѣховъ, нашей гордости принадлежитъ Глинкѣ—въ его творчествѣ были заложены элементы и широкіе горизонты будущаго.

День 3-го февраля былъ посвященъ чествованію памяти великаго музыканта. Послѣ панихиды въ церкви консерваторіи состоялось открытіе памятника, а затѣмъ торжественный актъ. Актъ въ большомъ залѣ консерваторіи выглядѣлъ очень наряднымъ и праздничнымъ. Безчисленное количество депутацій продефилировало съ вѣнками и рѣчами къ бюсту Глинки. Затѣмъ хоръ и оркестръ оперы и г-жа Фриде исполнили подъ управленіемъ Направника кантату М. Балакирева. Какъ и всѣ торжественныя, для опредѣленнаго случая, кантаты; сочиненіе Балакирева не представляетъ собою интереснаго, музыкальнаго вдохновенія. При этомъ текстъ кантаты не блещетъ поэтическими красотоми. Исполнили кантату довольно стройно съ красивой звучностью, равно какъ и отрывки изъ «Жизни за Царя».

Музыкальное чествованіе, конечно, сосредоточилось на постановкѣ вечеромъ въ Маріинскомъ театрѣ «Руслана». Опера шла цѣликомъ, безъ купюръ. Всѣ исполнители, видимо, прониклись торжественностью событія и отвѣтственностью своей задачи. Оркестръ, подъ управленіемъ г. Направника, блестяще сыгралъ увертюру. Рѣдкій подъемъ исполнителей вокальных партій, прекрасныя декорации и красивый балетъ оставили хорошее впечатлѣніе.

Изъ исполнителей, на первомъ планѣ, слѣдуетъ поставить г-жу Збруеву и г. Ершова. Рѣдкій по красотѣ тембра и чистотѣ интонаціи голосъ г-жи Збруевой, великолѣпная выдержка и строгая музыкальность ставятъ ее въ рядъ первоклассныхъ артистокъ. Г-жа Збруева можетъ считаться теперь лучшимъ Ратмиромъ. Г-нъ Ершовъ, въ роли Финна, выказалъ, по обыкновенію, осмысленную музыкальность и прекрасную дикцію. Голосъ г-жи Большка подчасъ звучитъ еще все очень свѣжо и красиво—она прелестная Людмила. Г-жа Кузнецова-Бенуа великолѣпно спѣла свою арію «Любви раскошная звѣзда»—голосъ артистки звучалъ кристально-чисто и развѣ только въ ансамбляхъ не было увѣренности. Вокальная сторона передачи партіи Руслана у г-на Касторскаго вполне удачна, но артистъ держится на сценѣ такъ деревянно, безъ всякой экспрессіи и подвижности, что несмотря на свой прекрасный голосъ, оставляетъ блѣдное впечатлѣніе.

Исполнители партій Баяна, Свѣтозара и Наины гг. Лабинскій, Серебряковъ и г-жа Панина были вполне приличны. Еще нѣсколько словъ о г. Шаляпинѣ—Фарлафѣ. На этотъ разъ талантливый артистъ произвелъ на меня довольно неприятное впечатлѣніе.

Мнѣ казалось, что такой торжественный спектакль долженъ быть особенно дорогъ и близокъ выдающемуся русскому артисту. Я пожалѣлъ, почему г. Шаляпинъ не взялъ роли Руслана, но еще больше жалѣю, что г. Шаляпинъ пѣлъ Фарлафа. Талантливый артистъ захотѣлъ сдѣлать изъ Фарлафа нѣчто исключительное, придать особенное, оригинальное толкованіе роли и выдвинуть ее на центральный планъ. Я не думаю, чтобы въ этомъ была необходимость, а также и возможность, но во всякомъ случаѣ, средствами для этого не должны бы служить шаржъ и грубая утрировка роли Фарлафа. Дрожаніе всего тѣла, при появленіи Наины, весь этотъ опереточный ужасъ, грубая подчеркиванія, выкидыванія колѣнцевъ до того противны, что даже не дали возможности любоваться прекраснымъ исполненіемъ артистомъ знаменитаго рондо. Глубоко сожалѣю, что прекрасный вкусъ и чутье артиста измѣнили ему именно въ такой торжественный и прекрасный вечеръ.

Александръ Ш—ъ.

ГРУСТЬ ЧЕСТВОВАНІЯ.

Почти всегда какъ-то грустно на посмертномъ чествованіи великихъ людей, и не по тому заѣзженному мотиву, что вотъ-де «при жизни не понимали», «при жизни бѣдствовали» и пр. Непониманіе при жизни можетъ быть неразлучно съ величіемъ, бѣдствуютъ далеко, не всѣ великіе люди. Но право же, какъ бы ни чествовали, почти всегда кажется, что мало и плохо. Суетятся кружки, большіе и маленькіе люди извѣстной профессіи, сіяютъ мундирами официальные лица, а «народъ» все еще «безмолвствуетъ», «не чувствуетъ», что именно и прежде всего въ великихъ дѣятеляхъ мысли, искусства, науки—его гордость и слава. А главное, въ чествованіи такъ или этакъ, есть крупная доза буржуазной низменности: великаго человѣка какъ бы отчасти сталкиваютъ съ пьедестала до себя, если еще не хуже. Маленькіе люди пристегиваютъ себя къ торжеству, съ апломбомъ, пользуясь тѣмъ, что гипсовый бюстъ безгласенъ, произносятъ похвалы, отъ которыхъ оригиналу бюста, можетъ быть, не поздоровилось бы. Мало того, вынырнетъ какой-нибудь пресловутый «приватъ-доцентъ», Б. Никольскій, услаждающій своимъ словеснымъ канканомъ разваливающіеся и отупѣвшихъ стариковъ и черносотенцевъ, и съ безпримѣрной развязанностью, пользуясь тѣмъ, что не будетъ освященъ только изъ уваженія къ торжеству чествованія, выплеснетъ свою хвалу, неизмѣримо худшую всякой «хулы». Точно бѣлоснѣжный бюстъ чествуемаго густо мазнули дегтемъ или чѣмъ-нибудь еще похуже. И можно ли до такой степени убого, грубо-лубочно обставить этотъ бюстъ, какъ это было на актѣ въ честь Глинки! Грубѣйшая какофонія малиновой бархатной драпировки и «берлинской лазури» полотнянаго неба, нелѣпѣйшій бордюръ лубочно написанныхъ «тропическихъ растений», точно въ дешевой дѣтской панорамѣ—все та же обычная театральная бутафорщина. Неужели даже для такого дня не могли пригласить настоящихъ художниковъ, которые, разумѣется, постарались бы и сумѣли бы достойнымъ образомъ художественно убранъ «альтарь», устроить настоящій, а не театръ-апофеозъ? Курьезно, что даже текстъ кантаты—лубочныя, топорныя вириши, столь испортившія не то что музыку, а даже хорошенькую, художественную программу.

За длиннымъ краснымъ столомъ, на раззолоченныхъ стульяхъ возсѣдала довольно большая компанія важныхъ господъ—коммисія по постройкѣ памятника, читался отчетъ о ея трудахъ, о затраченныхъ суммахъ, о предварительномъ конкурсѣ. Нѣсколько лѣтъ старались, выбирали, устраивали. И что же! Въ результатѣ—однимъ ординарѣйшимъ памятникомъ больше на улицахъ Петербурга. Когда скользнула сѣро-желтая за-

вѣса,—предстала ничего не говорящая, трактованная фотографически реалистично, приземистая фигура въ довольно ухарской позѣ, якобы обычной позѣ Глинки. Что-то грубое, шаблонное, дешевое и въ пьедесталѣ, и въ полукруглой оградѣ и въ аляповатыхъ факелахъ-фонаряхъ. Когда же поймутъ авторы нашихъ памятниковъ и одобряющіе ихъ проекты коммисіи всю нелѣпость грубо реалистической трактовки такихъ памятниковъ? Вѣдь въ данномъ случаѣ даже портретное, фотографическое сходство болѣе, чѣмъ проблематично, и уже конечно не могли быть уловлены тончайшія индивидуальныя черты. Кому же нужно это грубое подобіе? Неужели не нелѣпо, что въ памяти болѣе всего остаются выдѣланныя складки широкихъ панталонъ, пуговицы и складки жилета, другія такъ назойливо лѣзущія въ глаза и ненужныя подробности костюма? Подобно тому, какъ въ статуѣ Чайковского въ консерваторіи болѣе всего замѣтны тщательно выдѣланные сапоги...

Слишкомъ велико несоотвѣтствіе между олицетвореніемъ, чествованіемъ и художественной огромностью чествуемаго и потому грустно. Вѣдь онъ говорилъ съ богами, вѣдь ему доступна была и открыта высшая глубочайшая прелесть сокро-

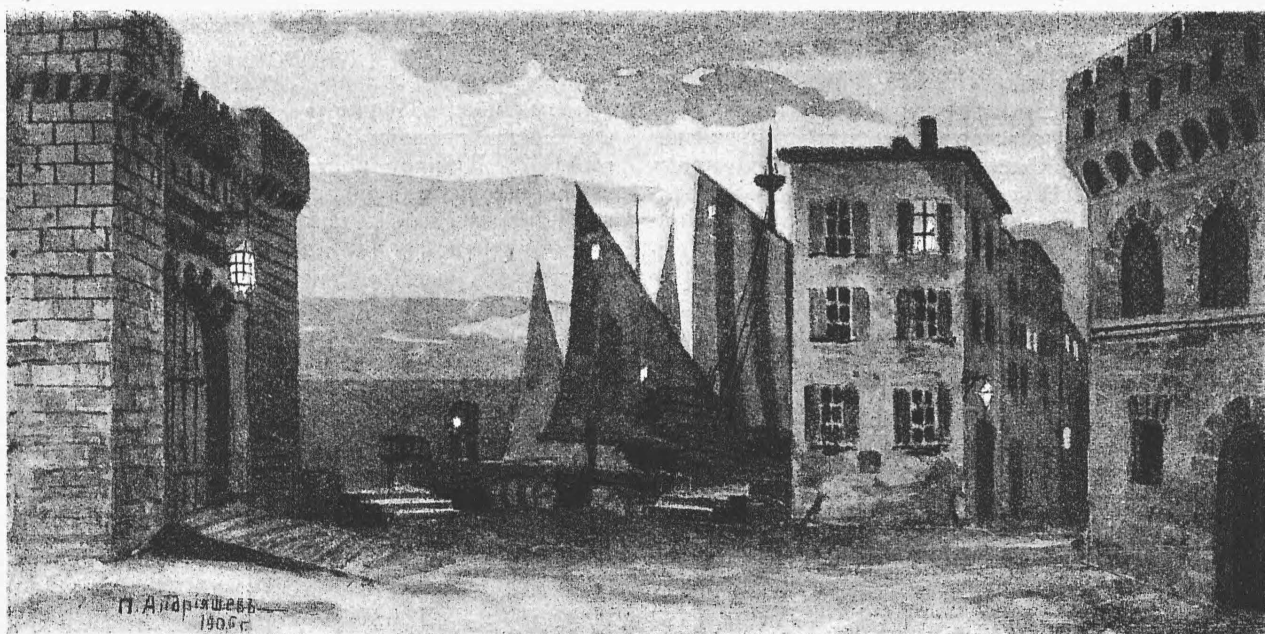
зачіи». Вѣроятнѣе всего, что и то, и другое, и третье, а можетъ быть и четвертое.

Глинка въ музыкѣ то же, что Пушкинъ въ поэзіи и литературѣ. Какъ будто эти два генія распредѣлили между собою задачу національнаго самосознанія: то, что выражается словами,—взялъ на себя Пушкинъ; что выше словъ, что начинается тамъ, гдѣ слова кончаются, гдѣ словамъ, по тонкости и неуловимости чувствъ, уже дѣлать нечего,—это взялъ на себя Глинка.

Пѣсня «зрѣла» въ душѣ русскаго человѣка, и созрѣвшую ее въ словахъ выразилъ Пушкинъ и въ звукахъ—Глинка.

Итакъ я разсматривалъ портреты и смотрѣлъ на памятники. Удивительная вещь: сколько портретовъ, и ни одинъ не похожъ на другой. Больше всего мнѣ понравились выраженія лица Глинки на кар-

КІЕВСКІЙ ТЕАТРЪ ОБЩЕСТВА ГРАМОТНОСТИ.

„Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“. Декор. 10 картины П. И. Андріяшева.

венно загадочнаго, которую мы себѣ и вообразить не можемъ, только часть которой онъ передалъ намъ. Талантъ отдѣляетъ отъ личности, но не сливаются ли они всегда въ одно цѣлое гдѣ-то тамъ, въ величайшей глубинѣ? Не таится ли подъ внѣшней доступной личностью личность сокровенная? Можетъ быть, истинной данью великому таланту должно быть полное внутреннее тихое благоговѣйное созерцаніе и наслажденіе. Можетъ быть для памяти его оскорбительны апломбъ маленькихъ человѣчковъ, серьезно воображающихъ, что они „воздаютъ должное“, блескъ расшитыхъ золотомъ мундировъ и шаблонной бутарфорщины и ужъ конечно, оскорбительна выдвинутая на вѣчныя времена, грубая неуклюжая статуя.

А. Ростиславовъ.

ЗАМѢТКИ.

Открыли памятникъ Глинкѣ. По этому случаю пересмотрѣлъ сотню иллюстрацій и портретовъ и перечиталъ—ну, не очень внимательно—десять-два статьи. Памятникъ вышелъ неудачный—это всѣ признаютъ: одни говорятъ «мало жизни», другіе—«не похожъ», третьи—«нѣтъ идеали-

тинъ Рѣпина (такъ сказать, вполне портретъ «головного воображенія») и на карикатурахъ Брюлова. Но до чего брюловскія карикатуры (Брюловъ, хотя бы его Тургеневъ и называлъ «пухлымъ ничтожествомъ», все же умѣлъ схватывать и рисовать натуру) непохожи на расхожіе портреты Глинки съ разныхъ литографій. Ни единой черты, ни одного штриха!

Совершенно тоже самое я наблюдалъ на портретахъ Пушкина. Въ центрѣ пушкинской выставки былъ знаменитый портретъ Тропинина, надъ нимъ копія съ портрета Кипренскаго, а по бокамъ копіи, литографіи, афорты и фотографіи. Мое первое впечатлѣніе при взглядѣ на портретъ Тропинина, было такое, какъ будто мнѣ показали другого человѣка. На фотографіяхъ и литографіяхъ Пушкинъ представляется, во-первыхъ, прямымъ потомкомъ эеіопскаго выходца Ганнибала, съ рѣзко выраженными чертами негритянскаго типа, а во-вторыхъ, человѣкомъ серьезнымъ, даже, можно сказать, чрезвычайно «сурьезнымъ», у котораго душа, выражаясь восточной метафорой, застегнута на всѣ пуговицы. Между тѣмъ, у Пушкина, прежде всего, лицо веселое, живое, глаза синіе, хорошіе и наив-

ные. То же самое повторяется и на портретах Глинки. На литографияхъ, офортахъ и фотографияхъ Глинка,—человѣкъ до крайности «сурьезный», нижняя губа у него немножко оттопырена въ такомъ расчетѣ, чтобы какъ можно болѣе выразить презрѣнія къ окружающимъ: «Эхъ, вы, молъ, музыкантишки! Чего суетесь? Осадите назадъ! Видите, каковъ я есть сурьезный человѣкъ!» Между тѣмъ, въ дѣйствительности лицо Глинки выражало спокойное сознание своей силы, и даже, можетъ—быть, съ преувеличенной скромностью. Это—мощь, сама себя не сознающая и, во всякомъ случаѣ, столь привыкшая къ себѣ, что ни гениальнымъ мыслямъ, ни гениальному полету фантазіи, ни изумительнымъ краскамъ, сверкающимъ, какъ драгоценная грань въ лучахъ солнца,—она не придаетъ особеннаго значенія. Такова и есть гениальность, творящая съ «беззаботностью жизни» и никогда не задумывающаяся надъ впечатлѣніемъ», которое она производитъ. И всѣ эти литографіи и фотографіи—злободневный образчикъ человѣческой посредственности, которая пыталась воспроизвести гениальность. Именно легкость, именно беззаботность, именно наивность—всѣ эти черты истиннаго гения остались для человѣческой посредственности непонятными и загадочными. Умъ представляется имъ непремѣнно насупленнымъ, художественность является предъ ними въ торжественномъ парадѣ. Каждый фотографъ—литографъ, который, изучая портретъ Глинки, переносилъ его на камень и ретушировалъ, мысленно ставилъ себя на мѣсто великаго композитора и спрашивалъ: что, если бы я написалъ «Жизнь за Царя» и «Руслана и Людмилу»? И ему казалось, что если, бы онъ это написалъ, то сталъ бы важенъ, какъ экзекуторъ департамента, цѣдилъ бы отъ сознания собственнаго достоинства, слова сквозь зубы, и на челѣ своемъ высокою отразилъ бы печать гения. И всѣ эти черты, отъ одной фотографіи и литографіи къ другой умножались, и въ концѣ концовъ создалось расхожее представленіе о чертахъ Глинки, въ которыхъ очень мало общаго съ живою игрою этого пріятнаго и одухотвореннаго лица. Лицо Глинки такъ же просто, такъ же непринужденно, такъ же ясно, какъ его музыка. Вотъ и памятникъ Глинкѣ, что стоитъ у насъ въ Александровскомъ саду, изображаетъ Глинку суровымъ и глубокомысленнымъ, точно онъ себѣ подъ ность поетъ рецитативъ изъ «Руслана». Глинка былъ человѣчески просто и спокоенъ, какъ истинно гениальная натура. Боже мой! Въ этомъ преимущество комфорта, который себѣ могутъ позволить талантливые люди. Въ то время, какъ всякая посредственность и бездарность всю жизнь дрожатъ за свое положеніе, и потому кладетъ всѣ силы воли и ума на то, чтобы ее не смѣшали съ толпой ничтожества, съ которою ее такъ легко смѣшать,—люди таланта просто говорятъ, просто держатся, не снѣдаемые мѣстничествомъ и завистью, и сознавая свои внутреннія силы, не чувствуютъ нужды прибѣгать безпрестанно къ внѣшнимъ ихъ проявленіямъ. Эта нестерпимая «сухонность» большинства посредственныхъ художниковъ и артистовъ напоминаетъ того еврея, который, заблудившись въ лѣсу, принялъ свистъ своего собственнаго носа за разбойничій посвистъ и потому надѣлъ ермолку на одну руку, шапку на другую и сталъ кричать воображаемому врагу: «Посмотри, я самъ третей!»

А вотъ Глинка, напримѣръ, презабавно у Брюлова застегиваетъ себѣ брюки, и сбоку надпись: «Туалетъ музыканта».

Чайковский (см. его переписку) пишетъ какъ-то, что Глинка не далъ и десятой доли того, что могъ

дать, потому что былъ богатый баринъ крѣпостного строя. Замѣчаніе весьма вѣрное и глубокое. Чайковский тоже былъ баринъ, но уже «обломокъ» крушенія крѣпостного уклада. Уже появились «оскудѣлые», уже явился «его степенство капиталъ», уже кипѣла рабочая страда на всѣхъ поприщахъ жизни. Приходилось «boire, manger et sortir» и на все это добывать деньги. Нужда подстегивала. Чайковский и профессорствовалъ, и писалъ рецензіи, и писалъ много музыки. Нужда напрягала его творческія силы. Иногда, быть-можетъ благодаря этому, въ его произведеніяхъ чувствовалась усталость, но и въ усталыхъ произведеніяхъ большого таланта, нѣтъ—нѣтъ, да и сверкнетъ искра гениальности. А чаще, начавъ писать, быть можетъ, безъ вдохновенія, подстегиваемый нуждой, талантъ просыпался во время самой работы, и лилось уже широко, свѣтлою, чистою, струею вдохновенія. Глинка этого не зналъ, не понималъ, не вѣдалъ. Уже окруженный славой, онъ былъ въ глазахъ громаднаго большинства людей «большого свѣта»—«скоморохомъ» за то, что выносилъ свое музицированіе, «свою дворянскую забаву» на широкую общественную арену. Каста презирала всякій трудъ, кромѣ «служилаго». Камеръ-юнкеръ Пушкинъ—былъ нѣчто. Поэтъ Пушкинъ былъ пятномъ на камеръ-юнкерскомъ мундирѣ. И съ Глинкой повторилось то же.

Его окружала атмосфера дилетантскаго, безпечнаго дворянскаго *far niente*. На вечерахъ у Кукольника сходились они всѣ. Былъ тутъ и Брюловъ, художникъ, конечно, но болѣе причисленный къ академіи и Кукольникъ былъ писатель, понятно, но суть была въ томъ, что онъ обслуживалъ первенствующее сословіе, вѣщая міру о томъ, какъ «рука Всевышняго отечество спасла»: Въ промежуткѣ между официальной службою «благороднаго русскаго дворянства» вторгалась муза—робкая, шаловливая, больше испытывавшая свою власть и свои капризы, нежели побѣдительница жизни. Съ музою флиртовали, какъ съ дамою легкаго чтенія и, нафлиртовавшись съ нею, возвращались, застегнувъ свои вицъ-мундиры, къ дѣйствительности «благороднаго русскаго дворянства».

Двѣ оперы, десятка два романсовъ, нѣсколько оркестровыхъ вещей—вотъ все, что далъ Глинка, гениальнѣйшій музыкантъ, составившій эпоху не только въ исторіи русской музыки (объ этомъ что и толковать!), но и опередившій на много лѣтъ созданіе національной оперы въ старыхъ странахъ музыкальнаго міра.

Искусственно ничто не могло воспитать и разбудить Глинку въ обстановкѣ смоленскаго имѣнія и петербургскихъ бюрократическихъ сферъ. Его музыка, дѣйствительно, вылилась уже изъ переполненной души, потому что нужно было разрѣшиться гению отъ бремени одолѣвавшихъ его звуковъ. Тутъ уже сама природа его дѣйствовала, а не русская дѣйствительность. Въ мѣсто благородныхъ занятій, благородному дворянству свойственныхъ, напримѣръ, охоты,—Глинка слушалъ пѣніе птицъ, которыхъ у него было множество въ клѣткахъ, или, приложивъ ухо, внималъ звукамъ колокольнаго звона.

— И будешь ты скоморохъ!—говорили ему.

И еще одна черта, сближающая во многомъ Глинку съ Пушкинымъ, представляется мнѣ: ихъ семейная жизнь. Исторія неудачнаго брака Глинки не рассказывается подробно его біографами. Но было что-то бурное, тревожное, тяжелое, гнетущее. Душа Глинки, какъ и Пушкина, была женолюбива, слишкомъ деликатна, мягка, податлива, восторженна и поэтична. И всегда эти нѣжныя, гемальныя души

приносятся въ жертву самымъ обыденнымъ, но складнымъ и властнымъ душамъ. Какъ всѣ поэты несчастны въ любви! Какъ они глубоко страдаютъ! Какіе надрывающіе звуки издаетъ ихъ душа, тронутая этою мучительною и «стыдною» скорбью! Вотъ еще мнѣ припомнился такой великій поэтъ, аристократъ духа—Мюссе. Помните его стансы? Его тоскующую меланхолию? Его разбитыя надежды и полную чашу печали, къ которой онъ приникалъ своими устами?

И кто знаетъ, можетъ-быть, въ этой горечи разбитыхъ надеждъ и неудовлетворенной сердечной тоски кроется также источникъ великихъ вдохновений? Можетъ быть, гении не потому страдаютъ, что они гении, но потому становятся гениями, что нужно выстрадать на себѣ право стать гениемъ и возможность выразить гениальнымъ образомъ свое страданіе?

Homo novus.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Замѣтка изъ Таганрога, во 2 № на шего журнала, о благотворительномъ вечерѣ въ пользу труппы С. И. Крылова, дала пищу для разговоровъ нашему театральному мірку. Вотъ фактическія данныя этого грустнаго случая. 3-го декабря труппа ростовскаго театра должна была переѣхать изъ Ростова въ Таганрогъ и играть тамъ до праздниковъ. По 3 декабря, на основаніи состоявшагося соглашения между труппой и Крыловымъ, онъ могъ заплатить по 50 к. за рубль, начиная съ 3 ноября по 3 декабря (другую половину онъ имѣлъ заплатить послѣ праздника), но 3 декабря, выдавъ труппѣ 1200 руб., онъ заплатилъ полнымъ рублемъ (недодано было около 100 руб.). Итакъ, труппа собралась въ путь, имѣя 1200 руб. Переѣздъ въ Таганрогъ стоить гроши. Въ Таганрогѣ начала 4 и играла по 11, при среднихъ сборахъ, такъ что о нуждѣ, о крайности и думать нечего было. 11 по настоянію совѣта рабочихъ депутатовъ, спектакль, послѣ перваго акта, былъ прекращенъ, деньги были выданы обратно публикѣ. 12, таганрогскій полицеймейстеръ предложилъ труппѣ дать охрану изъ казаковъ и продолжать спектакли, но такое предложеніе труппа, посоветовавшись между собой (Каширинъ, Двинскій, Гаринъ 1 и 2, Михайловъ, Никольскій, Федоровъ, режиссеръ Ивановскій и др.) не приняла. 13, т.-е. черезъ 2 дня послѣ забастовки, Крыловъ, будучи въ Новочеркасскѣ, откуда онъ ни въ Ростовъ, ни въ Таганрогъ проѣхать не могъ (забастовка ж. д.), получилъ телеграмму отъ труппы, просившей у него помощи. Черезъ день другая телеграмма, говорящая о крайней нуждѣ, даже о голодѣ. Члены труппы говорятъ, что Крыловъ имъ отвѣтилъ телеграммой, что онъ ихъ оставляетъ и знать ничего не хочетъ, но телеграмму эту мнѣ не показали, Крыловъ же говорить, что на вторую телеграмму изъ Таганрога онъ туда телеграфировалъ гг. Тараховскому и Кумбурули о выдачѣ уполномоченному труппы артисту Михайлову 600 руб.; гг. Тараховскій и Кумбурули выдали труппѣ за счетъ Крылова 600 руб., выдалъ заимообразно полицеймейстеръ 300, сбора было 2160, выдано въ Ростовѣ 1200—всего труппѣ въ періодъ съ 4 по 23 поступило 4260 руб.—сумма—которая мало говорить о голодѣ.

Въ это время дается литературный вечеръ въ „пользу нуждающейся труппы С. И. Крылова“ и вырученныя 260 руб. передаются труппѣ.

Выводъ:

1) Если Крыловъ на телеграммы труппы о нуждѣ и даже голодѣ отвѣтилъ о своемъ нежеланіи вмѣшиваться — это очень некрасиво со стороны Крылова и развязываетъ руки труппѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

2) Если указанныя мнѣ цифры дѣйствительно были выданы труппѣ Крыловымъ и выручены ею въ Таганрогѣ отъ спектаклей, то не только о голодѣ, но и о стѣсненномъ положеніи говорить нечего.

Я не могу одобительно относиться къ системѣ дѣйствія Крылова въ текущемъ сезонѣ. Эта перевозка труппы (Таганрогской и Ростовской) изъ города въ городъ, безъ нужды, его поступокъ съ г-жей Пасхаловой, покинувшей Ростовъ и оскорбленной и какъ артистка и какъ человѣкъ.—Я ему простить не могу и я это ему сказалъ въ глаза, оставивъ за собой право, но теперь, когда русскіе актеры переживаютъ тяжелое время—а тогда, когда все придетъ въ норму, освѣтить здѣсь все подробно, но все-таки шельмовать его не слѣдовало. Труппа могла обойтись безъ благотворительнаго вечера, она

могла не обращаться за помощью въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, гдѣ ей предложили на все время забастовки получать по 20 к. на человѣка въ день — наконецъ, какъ бы Т. Об. теперь ни понадобилось — обратиться труппа туда, такую сумму какъ 260 руб. ей бы выслали. Обиднѣе всего, что среди членовъ труппы, принявшей такую позорную подачку есть люди убѣжденные сѣдинами, опытные, бывшіе сами такъ недавно во главѣ театральныя предпріятій. Какъ то они согласились принять эти деньги? А еще больше, какъ согласился принять эти деньги г. Крыловъ? Онъ розданы и засчитаны въ счетъ жалованья! И не жгутъ онѣ руки?

Б. Камнегъ.

ТЮМЕНЬ. Тоб. губ. Театръ А. И. Текутьева и на этотъ сезонъ, четвертый по счету, снятъ антрепренершей С. З. Ковалевой. Составъ труппы: г-жи Лаврецкая, Державина, Москвина, Сергѣева, Ковалева, Нѣгина, Стенко и Меликъ; гг. Лабунцевъ, Костинъ, Макаровъ, Лелинъ-Горскій, Арнольдъ, Баръ-Яновскій, Максимовичъ, суфлеръ Катковъ и декораторъ Гриневъ. Открылся сезонъ „Весеннимъ потокомъ“, затѣмъ прошли: „Ранняя осень“, „Въ неравной борьбѣ“, „Жаръ-птица“ и „Феодоръ Басмановъ“, „Темная сила“, „Волшебные звуки“ и „Контролеръ спальныхъ вагоновъ“, „Снѣгъ“ и „Медовый мѣсяцъ“, „Непогребенные“, „Девятый валъ“ и „За компанію“, „Карьера Наблочнога“, „Его превосходительство“, „Строители

Клякса на чествованіи Глинки.

(Шаржъ). Рис. Арса.

жизни“, „Крылья связаны“, „Гастроли М-ле Заза“ и „Джентльменъ“. За небольшими исключеніями пьесы проходили довольно гладко. Премьеръ нашей труппы г. Лабунцевъ играетъ безъ малѣйшей утрировки, почти всегда въ надлежащемъ тонѣ, знаетъ сцену, но слишкомъ однообразенъ; героиня г-жа Лаврецкая—очень старательная исполнительница и... только; лучшимъ украшеніемъ труппы служить г. Костинъ, безусловно талантливый актеръ, детально отдѣлывающій каждую роль; г. Макаровъ актеръ изъ старыхъ, играетъ очень добросовѣстно; г. Лелинъ-Горскій для первыхъ ролей еще молодъ, былъ бы вполне на мѣстѣ, какъ второй любовникъ. Изъ женскаго персонала, помимо г-жи Лаврецкой, о которой мы сказали выше, можно остановиться только на г-жѣ Державиной, актрисѣ съ темпераментомъ, умѣющей захватить зрителя въ сильныхъ мѣстахъ. Еще можно выдѣлить г-жу Москвину... Общее мнѣніе, что составъ нынѣшняго сезона значительно слабѣе прошлогодняго. Дѣла антрепризы пока относительно приличныя. Несмотря на переживаемое тревожное время, на массу циркулирующихъ въ городѣ слуховъ объ избіеніи учащихся, анонимныя письма, что сожгутъ театр, если онъ будетъ посѣщаться учащимися и т. п., антреприза, хотя и подъ охраной усиленнаго патруля, давала спектакли не прерывая и ни одинъ спектакль не былъ отмѣненъ.

de-cub.

САРАТОВЪ. Русская опера подъ управленіемъ Вронскаго начала спектакли въ театрѣ Очкина съ 1-го октября. Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ: г-жи Воброва, Лаврова, Гарнотъ, Познякова, Ганъ, Бауэръ, Воронина, Клебанова. Мужской персоналъ: гг. Горянновъ, Петровъ, Булатовъ, Степановъ, Павловъ, Порубиновскій, Тассинъ, Розановъ, Свободинъ. Капельмейстеръ А. П. Аслановъ. Режиссеръ Е. О. Щастанъ. Сначала дѣла шли отлично, но съ 12-го октября, когда начались повсемѣстные забастовки, окончившіяся безпорядками, не обошедшія и Саратовъ, дѣла пошатнулись. Труппа составлена очень неумѣло. Напр. недоставало драматическаго тенора и драматическаго сопрано. Принимавшій участіе при открытіи спектаклей г. Долининъ послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ дебютовъ, оставилъ Саратовъ.

Вотъ фактъ, достойный быть отмѣченнымъ: артисты, хоръ и оркестръ, видя, что дѣла плохія, пошли на уступки, а именно артисты уступили изъ своего жалованья 25%, а хоръ, балетъ и оркестръ 15%, только до Рождества и то съ условіемъ, что будетъ приглашенъ теноръ и драматическое сопрано. Были приглашены г-жа Петрова и г. Каржевинъ. Послѣдній сразу завоевалъ симпатіи публики, и дѣла замѣтно начали поправляться. Теперь опера дѣлаетъ на кругъ по 800 съ лишнимъ руб. и если дѣла будутъ продолжаться такимъ образомъ до конца, что возможно въ виду предстоящихъ праздниковъ (масленица), то антрепренеръ, не смотря на такой ужасный годъ, въ убытокъ не будетъ.

Въ „Театръ и Искусствъ“ было сказано, что театръ вслѣдствіе плохихъ дѣлъ не функционировалъ 18-го и 19-го декабря, но сообщеніе это не вѣрно. Не играли потому, что нужно было срешетовать предстоящій Рождественскій репертуаръ, что при одномъ дирижерѣ г. Аслановѣ одновременно со спектаклями сдѣлать нельзя было. Обстановка оперъ прекрасная.

Дядя Ваня.

СИМФЕРОПОЛЬ. Съ 20-го сентября въ Дворянскомъ театрѣ играетъ драматическая труппа Д. С. Семченко. До 18 октября сборы были хорошіе. Это почти первый сезонъ такой удачной. Успѣхъ объясняется хорошимъ репертуаромъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ артистовъ къ дѣлу. Изъ состава можно отмѣтить г-жъ Медвѣдеву, Сосновскую, гг. Иванова, Николаева, Загорскаго. Съ 18-го октября сборы такъ сильно пали, что едва хватало на расходы и такъ шло до декабря, когда сборы снова поднялись. Съ декабря товарищество получаетъ 1 р. 16 к. на марку. Въ виду такихъ хорошихъ дѣлъ г. Семченко оставилъ за собой театръ на будущій годъ и на предстоящій постъ. Г. Семченко предполагаетъ составить новую труппу. Послѣ поста отправляется въ поѣздку по Крыму (Керчь, Феодосію, Ялту и др.).

Д. З.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Въ послѣднемъ засѣданіи городской театральной комиссіи, обсуждавшей вопросъ сдачи городского театра на 1906—7 г. было рѣшено предложить арендующему въ настоящемъ сезонѣ этотъ театръ г-ну Каралли-Торцову продлить аренду и на будущій сезонъ „въ виду усерднаго и добросовѣстнаго отношенія г. Каралли-Торцова къ постановкѣ спектаклей“. Согласится ли г. Каралли снова взять владикавказскій театръ—покажетъ недалекое будущее, а пока справедливость требуетъ замѣтить, что отношеніе его къ дѣлу дѣйствительно было добросовѣстное, а такого богатства театрального имущества и роскоши обстановки, какія далъ г. Каралли,—владикавказскій театръ еще не видѣлъ. Въ режиссерскомъ отношеніи дѣло также было поставлено очень хорошо. Что касается личнаго состава труппы, то наибольшій успѣхъ выпалъ на долю г-жи Ольгиной, превосходной *grande coquette*, но обладающей данными и для ролей драматическаго характера. Нельзя не отмѣтить и вдумчивой, серьезной артистки г-жи Вельской-Паутовой, пользующейся у публики большими симпатіями. Изъ остальныхъ вниманія достойны г-жи Ленская и Таланова. Среди мужского персонала выдѣляются: г. Каралли-Торцовъ—актеръ на характерныя роли, дающій всегда законченные типы; г. Горбачевскій—актеръ умный, способный, но къ концу сезона начавшій почему-то относиться къ дѣлу небрежно; г. Большаковъ—актеръ старой школы, особенно хорошъ въ репертуарѣ Островскаго. Сильно замѣтно въ труппѣ отсутствіе хорошихъ резонера и простака.

Не смотря на сильно отразившееся на театральномъ дѣлѣ Россіи смутное время, поколебавшіяся были сборы и нашей антрепризы теперь замѣтно поправились, при чемъ необходимо замѣтить, что перерыва въ постановкѣ спектаклей не было и жалованье труппа все время получала сполна.

Въ теченіе сезона между прочимъ прошли слѣдующія пьесы: „Дѣти Солнца“ (4 раза), „Измѣна“ (3 раза), „Авдотина жизнь“ (2 раза), „Вильгельмъ Тепль“ (3 раза), „Неводъ“ (2 раза), „Эльга“ (3 раза), „Смерть Грознаго“, „Царь Федоръ“, „Царь Борисъ“, „Трильби“, „Казнь“, „Да здравствуетъ жизнь“, „Дачники“, „Евреи“, „Божій цвѣтникъ“, „Иванъ Миронычъ“ (3 раза), „Ганнеле“ (2 раза), „Флорія Госка“, „Карьера Наблюдкаго“, „Строители жизни“, „Необыкновенный чело-“

Искъ.

ТИФЛИСЪ. Съ начала новаго года жизнь въ городѣ понемногу начинаетъ входить въ колею. 6-го января открылся казенный театръ, въ артистическомъ о-вѣ открылись любительскія

„среды“, начали также играть грузинская и армянская труппы. Въ казенномъ театрѣ товарищество, во главѣ съ г. Донскимъ, прекратило свое существованіе и труппа организовалась въ „Соединенное оперное товарищество артистовъ, оркестра, хора и балета“. Дѣла товарищества идутъ хорошо. Культивируетъ оно очень усиленно оперетку; за короткое время прошли по нѣскольку разъ: „Гейша“, „М-еіе Нитушъ“, „Маскотта“ и „Корневильскіе колокола“. Особенно упрекать за это товарищество въ настоящее время не приходится. Поневоля оно принуждено заботиться о сборахъ, а наша публика охотно посѣщаетъ оперетки, оставляя безъ вниманія „Травиату“, „Карменъ“, „Евгенія Онѣгина“ и т. д. Ставить же новыя оперы „товарищество“ врядъ ли сможетъ, т. к. изъ труппы вышли лучшія силы: г-жи Карри и Арцыбашева и г. Сокольскій, 4-го февраля состоится ихъ прощальный концертъ.

Въ театрѣ-циркѣ бр. Никитиныхъ подвизается труппа подъ управленіемъ г. Казанскаго. Въ репертуарѣ пока „Казнь“, „Непогребенные“ Евдокимова.

Постомъ ожидается въ театрѣ Артистическаго о-ва драматическая труппа подъ управленіемъ г. Мейерхольда. Въ труппу вошли г-жа Мунтъ, гг. Костромской, Загаровъ, Снигиревъ, Канинъ и нѣкоторые артисты московскаго Художественнаго театра.

Е. К.

ВОРОНЕЖЪ. Праздничный репертуаръ нашего городского театра: 26 дек. утромъ „Потонувшій колоколъ“, веч. „Камо грядеши“ (въ 3 р.), 27—„Спящая царевна“ (2 утр. дѣтскій спект.), „Дѣти солнца“ (въ 3 р.), 28—„Неводъ“, 29—„Ганнеле“ (въ 3 р.) и „Повѣситься или утопиться“, 30—„Хлѣба и зрѣлищъ“ (бенефисъ ком. стар. Е. В. Горской), 31—„Еврей“ (во 2 р.) и „Вмѣсто дебюта“, 1 янв. „Котъ въ сапогахъ“ (3 утр. дѣтскій спект.), „Каменотесы“ и „Крейцеровъ соната“, 2—бенеф. пом. реж. С. А. Островскаго „Отжитое время“, 3—„Порченые“, „Тетушка изъ Глухова“, 4—„№ 13“ и „Незрѣлый плодъ“, 6—„Золотая рыбка“ (4 утр. дѣт. спект.), „Орленок“, 7—„Марія Терезія“, 8—„Царь Дмитрій Самозванецъ и царевна Софія“, „Мятежникъ“ и „Дорогой поцѣлуй“.

Сборы, упавшіе до минимума предъ Рождествомъ, поправились на праздникахъ. Съ аншлагомъ прошло „Отжитое время“, „Неводъ“ и „Каменотесы“ были приняты публикой слабо. Веселая вещьца Бракко „Незрѣлый плодъ“ пришлась по вкусу нашей публики.

Изъ молодыхъ артистовъ надежды подаютъ гг. Квининъ (2 комикъ и характ. роли), Розановъ (неврастенникъ) и г-жа Буткова (2 *ing.*). Послѣдней пожелаю поскорѣй отдѣлаться отъ нѣкоторой дѣланности и неестественности игры, недостатковъ, свойственныхъ къ всѣмъ начинающимъ артистамъ. Г. Горсткинъ гораздо лучше въ роляхъ простака, чѣмъ неврастенника. У г-жи Бронской (*ing. dram.*) крупныя сценическія способности, недостаточно пока разработанныя. Къ сожалѣнію, талантливая артистка очень рѣдко выступаетъ въ отвѣтственныхъ роляхъ.

Репертуаръ съ 10 янв. — „Новая жизнь“, „Бюрократическимъ путемъ“, 13—„Борцы“ (бенефисъ комика Я. М. Любина), 15—„Мятежникъ“ и „Вмѣсто дебюта“, 16—„Тетенька“, 19—„Другъ дома“ и „Юланта“, 20—„Волшебная сказка“ (бенефисъ *ingénue* Т. Б. Раминой), 21—„Послѣдняя воля“, „Вмѣсто дебюта“, 22—„Тюрьма“ и „Мотя“, 24—„Трое“.

Постановка „Тюрьмы“ Свиурскаго встрѣтила нѣкоторые административныя затрудненія и была разрѣшена послѣ долгихъ хлопотъ у „властей предержавныхъ“. Большой успѣхъ благодаря злободневности сюжета имѣлъ „Мятежникъ“. Къ сожалѣнію, эту пьесу, написанную и безъ того въ художномъ-мелодраматическомъ духѣ, исполнители превратили въ сплошную мелодраму. Сборы послѣ праздниковъ снова упали. Бенефисъ г-жи Раминой далъ только 200 рублей. Для форсировки сборовъ г. Струйскій пробовалъ ставить фарсы, но это не помогло. Въ главныхъ роляхъ въ фарсахъ, къ нашему удивленію, выступала г-жа Моравская. Вообще, г-жа Моравская, выступающая чуть ли не ежедневно въ выигрышныхъ роляхъ каждой пьесы, успѣла уже „примелькаться“.

Труппа г. Струйскаго пробудетъ у насъ до поста. Относительно Великаго поста ведутся переговоры съ харьковской оперной труппой и оперой г. Шейна. Часть труппы г. Струйскаго во главѣ съ г. Никитинымъ-Фабанскимъ думали снять товариществомъ на Великій постъ „Народный домъ“, но дѣло, какъ мы слышали, разошлось вслѣдствіе чрезчуръ высокихъ требованій распорядительнаго комитета.

Пока въ „Народномъ домѣ“ попрежнему подвизаются два любительскихъ кружка: „Кружокъ исполнителей драматическихъ произведеній“ и „Желѣзнодорожный кружокъ“. Несмотря на болѣе, чѣмъ слабую игру и примитивную постановку, первый кружокъ дѣлаетъ порядочные сборы до 200—250 р.

Лѣтомъ въ городской театрѣ собирается прѣхать, какъ мы слышали, малорусская труппа Л. Р. Сабинина, большая часть персонажей которой артисты распадающейся труппы А. Л. Суходольскаго.

К. Владиміровъ.

НАЛУГА. Тревожные события октябрьских дней не остались без влияния на последующий ход театрального дела. Сборы упали так низко, что не оправдывали даже вечеровых расходов. Антреприза Н. Д. Тилинг-Кручинина сразу ощутила в крайне тяжелом положении, понесла в первый же месяц убытки до трех тысяч рублей. Не имея возможности при таких обстоятельствах продолжать дело dalje и возмещая, не ликвидации, г. Кручинин и участники труппы вошли в обоюдное соглашение, в силу которого и с вѣдома городской управы г. Кручинин отказался от антрепризы, передавъ театр за условленную сезонную плату главным участникам труппы, состав которой остался тот-же. Образовавъ товарищество, артисты повели дело на марках с уплатою меньшей брати опредѣленного мѣсячнаго жалованья изъ вечеровых сборовъ. Но и товарищество терпѣло матеріальную нужду до тѣхъ поръ, пока взволнованное общество не успокоилось. Только со второй половины ноября публика начала посѣщать театр, и матеріальныя дела товарищества пошли хорошо. В течение праздниковъ товарищество дало нѣсколько театральныъ маскарадовъ, привлекившихъ много публики и имѣвшихъ замѣтный успѣхъ. Репертуаръ все время отличается рѣзкой пестротой, но постановка пьесъ тщательная. Распорядитель товарищества А. Г. Востоковъ и главный режиссеръ И. Е. Шуваловъ прилагаютъ все стараніе, чтобы придать спектаклямъ возможно болѣйшій интересъ. Имѣть успѣхъ: А. Н. Правдинъ и Л. В. Троицкая и гг. О. Г. Ольгина, Гегеръ-Глазунова, Безсонова, Нильская, Кондратьевъ, В. М. Петила, Востоковъ, Александровъ и Рославлевъ, нельзя покорить и прочіихъ, такъ какъ всѣ они по мѣрѣ способностей дружно содѣйствуютъ общему ансамблю. Все это даетъ основаніе надѣяться, что товарищество закончитъ сезонъ вполне благополучно.

Н. П. Амфа.

Г. МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЪ (Орл. губ.). Кажется, это первая корреспонденція изъ нашего Богомъ и людьми забытаго городка... Намъ всѣ забыли—вѣрнѣе насъ и не помнили, не знали и знать не хотѣли. Мы не видимъ, не слышимъ ничего, въ чемъ болѣе „центры“ пресытились. Тамъ уже не играютъ, а танцуютъ Шопена, а къ намъ лишь заѣзжаютъ „капеллы“ лапотниковъ; въ „центрахъ“ перешагнули „казенное“ искусство, создали Художественный театр, идутъ дальше до сочетанія музыки, пластики и благоуханія, а мы еще „съ дозволенія начальства“ играемъ въ „заправскихъ“ актеровъ и служимъ у публики, требующей легкаго жанра и пьесъ съ кувирканьемъ. Дать болѣе намъ не подъ силу, а посягать на отцовъ комедіи и „настроения“—мы не рѣшаемся, ждемъ не освѣтитъ ли насъ кто своимъ талантомъ, включивъ въ артистическое турнѣ и нашъ захолустный городокъ.

Въ минувшемъ году въ чайной Об-ва трезвости у любите-

лей шли: „Клубъ холостяковъ“, „Свадьба Кречинскаго“ (2 раза) съ участ. артиста Островскаго, „Не такъ живи, какъ хочется“ и „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“. Лѣтомъ въ земскомъ саду, для открытія лѣтняго театра ставили „Ревизора“ и затѣмъ „Въ зимній вечеръ“ и „Чучело“. Этимъ закончили дождливый лѣтній сезонъ.

Заѣзжали къ намъ и малороссы, что-то ставили, а болѣе плясали неизмѣннаго гопака. Недавно нѣкій „артистъ“ Давидовъ (Р), объявивъ о концертѣ съ №№ изъ оперъ, хрипѣлъ куплеты съ „мерзавчикомъ“ въ рукахъ, за что едва не попалъ въ собственную „личность“, на его счастье вступилась публика первыхъ рядовъ и рѣшила „простить артисту“. Вотъ какіе артисты къ намъ заѣзжаютъ и такихъ мы принуждены смотреть... Грустно.

ДУБНО-ВОЛЫНСКОЙ. Нашъ городъ, хотя и насчитывающій около 20 тысячъ жителей и имѣющій значительный контингентъ войска (3 полка), до настоящей зимы въ театральномъ отношеніи былъ очень жалокъ.

Піонеромъ нашего постоянного драматическаго театра явился антрепренеръ М. А. Феберъ, арендовавшій на 3 года единственное въ городѣ театральное помѣщеніе—залу Общественнаго Собранія.

Въ угоду вкусамъ публики приходится ставить вслѣдъ за „Дачниками“ „Даму отъ кафешантана“, оперетту „Нитущъ“.

Къ стыду нашему, необходимо признаться, что такія пьесы, какъ „Дачники“, „Дѣти солнца“, „На днѣ“, „Весенній потокъ“ прошли при пустомъ почти залѣ, въ то время какъ „Дама отъ Максима“ или „Эпидемія отъ любви“ дали свыше 100 руб.

Кромѣ четы Феберъ (г-жа Силина-Тонская по сценѣ) выделяются какъ недурные актеры, г-жа Радина и Маревичъ, гг. Лавровъ, Гонта, Арскій, Сергѣевъ и Свѣтловскій. Артиста на амплу драматическаго любовника въ труппѣ вовсе нѣтъ. Остальные артисты въ своихъ роляхъ не строго придерживаются своихъ амплуа. Такъ резонеръ Свѣтловскій играетъ очень часто любовниковъ, а иногда и фатовъ, г. Лавровъ хорошій протакъ тоже иногда превращается въ любовника. Г. Гонта отличный комикъ игралъ въ „Падшихъ“—роль драматическую—„барина“, самъ г. Феберъ почти не играетъ.

Изъ женскаго персонала, кромѣ г-жи Силиной-Тонской выделяются г-жи Радина и Маревичъ.

Репертуаръ: „Царь Борисъ“, „Непогребенные“, „Весенній потокъ“, „Дачники“, „На днѣ“, „Нитущъ“, „Дѣти Солнца“, „Вишневый садъ“, „Девятый Валъ“, масса фарсовъ, „Наши Донъ-Жуаны“ и мн. др. На-дняхъ г. Феберъ ставитъ „Еврей“ Чирикова.

Сборы въ среднемъ слабые. При полномъ сборѣ въ 200 рублей, труппа дѣлаетъ не выше 40 руб. на кругъ. Играть 4 раза въ недѣлю.

А. Эмбертъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Б. А. РОСЛАВЛЕВЪ.

Сведѣнъ съ Пасхи на предстоящ. лѣтъ. и будущ. змѣн. сез. 1906—1907 г. Герой и характ. актеръ. Предпочитаю замѣтн. работу въ солидн. труппѣ. Предложенія письменно: СДВ. Экстернииск. кан., д. 139. кв. 32. Въ Москвѣ и бюро—не буду. 2—1

„ГДѢ РАКИ ЗИМУЮТЪ?“

шутка въ 1 д. В. О. Трахтенберга, п. 60-к. (Новинка весенняго репертуара Александр. театра). Обращаться въ „Театръ и Искусство“

Вышла въ свѣтъ новая брошюра проф. Б. В. Варнеке.

Женскій вопросъ на аѳинской сценѣ.
Цѣна 40 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Вольфа. 2—1.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Зои БУХАРОВОЙ.

Ц. 75 коп. безъ пересылки.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

ТЕАТРЪ ВЪ Г. ТУЛѢ

заново отдѣланный, съ новыми декораціями, полнойновой роскошной обстановкой, мебелью и пр.

сдается на постъ и пасху.

За свѣд. обрац. въ г. Тулу, театр О. П. Зарайской (зданіе Трудца), къ управляющ. А. А. Воде.

6736

6—6

ЗАПАДНЫЙ ТЕАТРЪ

Н. Ф. Арбеніна.

Томъ I.

Привѣтствіе искусствъ.—Сафо.—Лорензаччо.—Парія.—Донъ-Фернандо, стойкій принцъ.

Цѣна 1 р. 75 к. безъ пересылки. Обращаться въ контору „Театръ и Искусство“.

Цензурованные экземпляры новой пьесы Г. Гауптмана.

„А Пиппа пляшетъ“.

Пер. М. Сукенникова (въ репертуарѣ театра Яворской).

Можно получить изъ канцеляріи Театральнаго Общества, Слб., Николаевская, 31. 1—1

ПРОДАЖА И ПРОКАТЪ НОТЪ.

ОПЕРЕТКИ И ОПЕРЫ.

Полный оригина. матеріалъ. Огромный выборъ драм. пьесъ. Переводъ со всѣхъ европ. языковъ. Высмыка налож. плат. (съ половиною авансомъ). Адресъ СПбургъ. Театр. площ. 6, кв. 18.

В. К. Травскому. Телеф.—243—01

Оперная артистка

Н. М. МУРАНСКАЯ

даетъ уроки пѣнія, проходитъ оперный репертуаръ. Приемъ ежедневно отъ 12 до 3 ч. Николаевская, 84, кв. 35.

6377

24—23

ТЕАТРАЛЬНЫЕ

парики и бороды

мужскіе и дамскіе, любого жанра и вѣка изъ волосъ и ангорск. шерсти рекомендуетъ

Т. А. КРЕНЦИНЪ

Рига, Господская ул. № 31. По полученіи 30 к. (почт. марк.) высылаются немедленно вновь вышедшій богато иллюстрированный подробный прейсъ-курантъ.

6564

3—2

РОЯЛИ ПИАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.—Невскій, 52, уг. Садовой.

Гастроли труппы КОРША.

Со 2-й недѣли поста.

ПАНАЕВСКІЙ ТЕАТРЪ.

— ПОЛНЫЙ АНСАМБЛЬ. —

РЕПЕРТУАРЪ: „Угловые“. — „Порченныя“, Бріе. — „Юная буря“, Разумовскаго. — „Балетная“, Прага. — „Пылкая страсть“ и „Кто правъ“, А. Шницлера и др.

Дирекція О. А. Корша.

Режиссеръ Н. Н. Синельниковъ.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ отъ кашля и
отдѣленія мокротъ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН-
ЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая 33.
Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

6386

13—5

Курскъ

Театръ И. В. Погуляева. Свободенъ
на 1906—7 г. подъ драму, оперу и
оперету. 6—1

Дамскіе туалеты

покупаю и продаю. Москва, Твер-
ская, Козицкій пер., д. Бахрушина,
6556 кв. 136, подъездъ 1. 1—1

Парижскій
Institut de Beauté

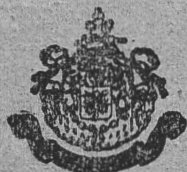
Произведенія, придающія

**КРАСОТУ
ЛИЦА**

и нѣжность кожи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Б. Конюшенная, 29.

По требованію каталогъ высы-
ляется бесплатно.

Я. БЕККЕРЪ,

поставщикъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

С.-Петербургъ, Казанская площадь, 18.

РОЯЛИ, ПИАНИНО.

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.